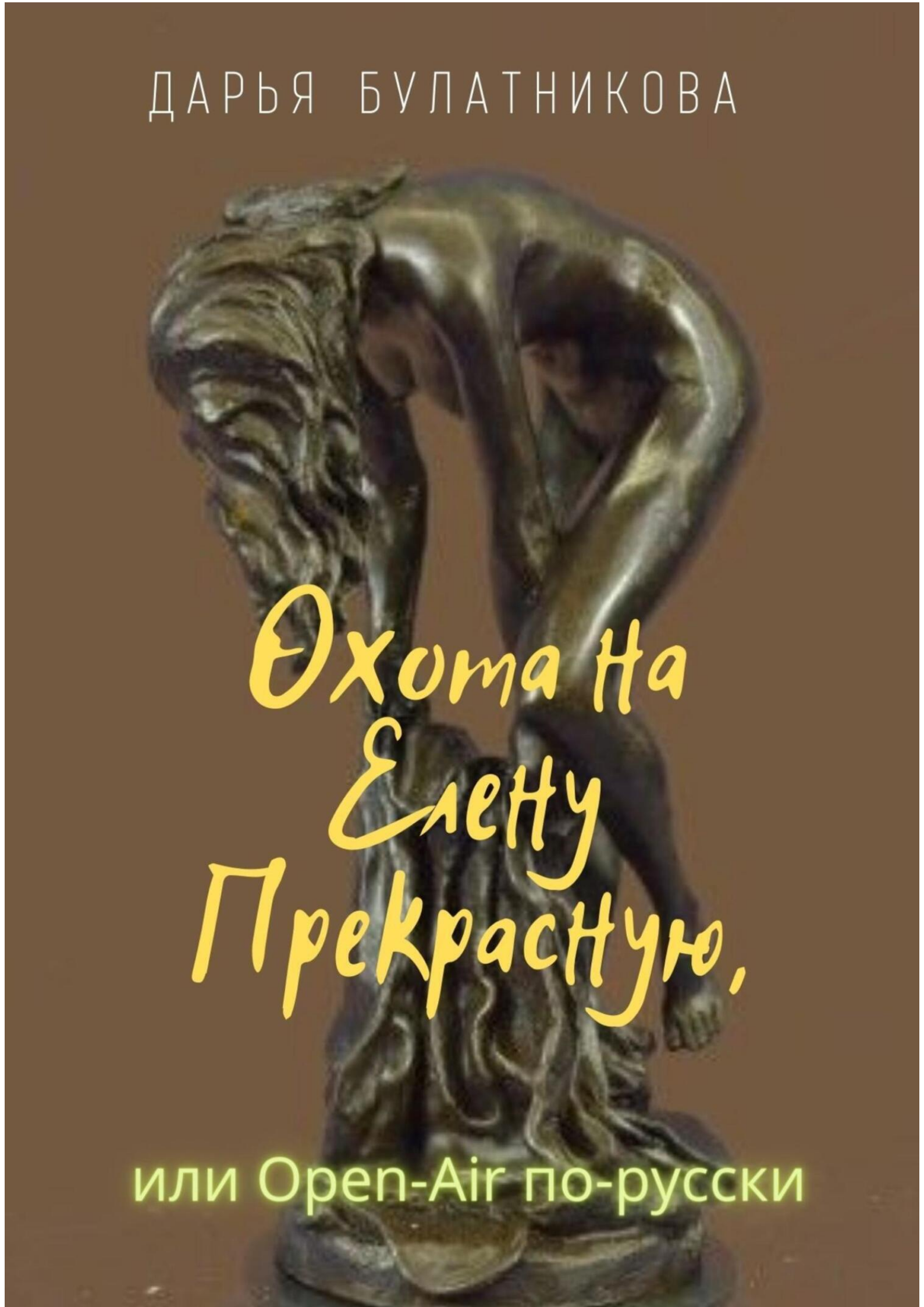
ДАРЬЯ БУЛАТНИКОВА



Охота на Елену Прекрасную,

или Open-Air по-русски

Дарья Булатникова

Охота на Елену Прекрасную, или Open-Air по-русски

«Автор»

2023

Булатникова Д.

Охота на Елену Прекрасную, или Open-Air по-русски / Д. Булатникова — «Автор», 2023

Семейству Пичугиных удается приобрести по дешевке большой двухэтажный дом в милой деревеньке под названием Бляховка. Они ещё не знают, какой нескучный отдых на лоне природы им обеспечен.Алекс Броуди, потомок русских эмигрантов приехал из Англии, чтобы отыскать драгоценную статуэтку, изображающую его прапрабабушку Елену. "Елена прекрасная" исчезла во время гражданской войны, и её следы ведут в Бляховку. Вскоре к поискам клада подключаются не только все суматошное семейство Пичугиных, но и их друзья, родственники друзей, археологи, лишившиеся документов англичане, а также малопонятные криминальные структуры.И только Дом снисходительно поглядывает на всю эту суматоху, подкидывая одну загадку за другой.

© Булатникова Д., 2023
© Автор, 2023

Дарья Булатникова
Охота на Елену Прекрасную, или Open-Air по-русски

Глава первая

Иногда мне кажется, что на приобретение дачи в Бляховке моих родственников подбили самые настоящие черти. Ничем иным я эту дикую идею просто не могу объяснить.

Ну зачем нам, спрашивается, дача? Чтобы летом вывозить туда дедулю, мамулю и Аллочку с детьми, а мы к ним приезжали на выходные, а если получится, то и после работы. Сидели себе на террасе, пили чай с крыжовенным вареньем и оладушками, слушали чириканье птичек и наслаждались жизнью. А Васька и Нюшка носились бы по саду, играя в индейцев и обрывая с кустов перезревшую малину.

Но нет, такая идиллия совершенно не в стиле семьи Пичугиных, нам подавай экстрим!

Именно поэтому простая затея с покупкой летнего жилья обернулась приобретением недвижимости в забытой богом деревеньке Бляховке, от которой до города хоть и недалеко, но дорога такая, что в хорошую погоду по колдобинам, как сайгак, наскачешься, а в дождь машина в каждой второй луже захлебывается. И ведь говорили нам, ведь предупреждали… Папулин сослуживец нервно вздрогнул, когда услышал, что мы хотим купить домик в населенном пункте со столь неблагозвучным названием. А потом целый час живописал места, в которые навострила лыжи наша непутевая семейка. Дорога, ладно. А то, что в Бляховке ни магазина, ни почты давно нет, это вообще пустяк. Главное, там народ весьма странный обитает, с большим-большим приветом. Практически весь. А поэтому жизнь там хоть и патриархальна, но изобилует всякими непонятными и ужасными событиями. И года не проходило, чтобы кто-то в лесу не сгинул или на березе не повесился.

Но уверения в ненормальности аборигенов могли бы испугать кого угодно только не папулю. Он жизнерадостно заявил, что с местными психопатами общаться не собирается, и принялся расспрашивать коллегу о бляховской природе и урожаях. И тот вынужден был признать, что леса там в отношении грибов и ягод – просто рай. А то, что рядом с деревней протекает речка Рузняйка, не отравленная покуда никакими ядовитыми стоками и химикатами, и поэтому полная окуней и подлещиков, привело папулю в бурный восторг. Хотя рыболовом в нашем семействе был не он, а дед. Сады и огороды, вроде бы, самые обычные, если иногда поливать, то вырастает всё, что посадили. Но вот жители… Поговаривают, что основали Бляховку ещё в середине позапрошлого века какие-то беглые не то казаки, не то революционеры-бомбисты. И с того времени их потомки поколение за поколением становились всё сумасброднее. Девок из окрестных деревень весьма неохотно отдавали замуж за бляховских парней, а на ярмарках никто с ними не торговался – бесполезно, все равно перехитрят и своё возьмут.

За ужином папуля нам достаточно вольно пересказал услышанное и заявил, что теперь уж точно мы должны купить дачу именно в Бляховке, и только там. Если, конечно, продавец не передумает.

Продавец, щуплый парень, робко взиравший из-за очков с толстенными линзами, передумывать не собирался. Наоборот, когда дедуля усомнился в крепости стен столетнего дома, охотно сбросил цену. Хотя стены эти, как мы позже убедились, и фугас не возьмет: клали их с размахом, на кирпич не скупились.

Да, удивительно, но факт – половина домов в Бляховке была выстроена из кирпича. Потом уже мы узнали, что кирпич этот ещё перед первой мировой войной крали на заводике,

который тогда находился выше по течению Рузняйки. Так что местные первостроители приспособились – ночами кирпич этот воровали и сплавляли на плотах. Кто больше спер, у того и стены толще. Потом лавочку прикрыли – то ли кирпичный завод обанкротился, то ли его хозяева бдительность усилили. Так что остальные дома строили уже обыкновенно, из дерева.

Пареньку дом достался по наследству от деда, жить он в нем категорически не собирался, а покупателя на него из-за дурной репутации деревни найти было сложно. Пока не подвернулись мы. Мамуля, услышав, что по цене деревянной избы можно приобрести двухэтажный кирпичный особняк, сразу же вдохновилась. Аллочке было все равно, лишь бы детей выпустить на свежую травку. А на робкий протест Борьки и мои гневные фырканья никто внимания не обращал.

Всеобщий восторг и благоденствие!

Дед тут же развил бешеную деятельность по отысканию ящика с инструментами, которыми он собирался ремонтировать дом. Кончилось все это падением с антресоли ручной дрели, расплющившей мою любимую босоножку на пятнадцатисантиметровой шпильке, и обнаружением массы давно потерянных нами полезных вещей.

Получив документы на дом, мы немедленно решили ехать и любоваться приобретением, потому что до этого в Бляховке побывал только папуля. Но на привезенных им оттуда фотографиях было что угодно, только не наша новая дача. Нет, вру – клочкастая мокрая дворняга скалила зубы именно на фоне кирпичной стены, с зачем-то приколоченным к ней ржавым и дырявым железным листом. Псина оказалась приблудной, к нашему вновь обретенному поместью отношения не имела и более никогда рядом с ним не появлялась. Ещё на одном кадре было запечатлено ветхое деревянное крыльцо, с торчащими из-под него сломанными лыжами. Остальные снимки представляли собой несуразные пейзажи – оползающий берег реки с засохшими кустами, лесную тропинку, обрамленную подмороженными лопухами и просторное поле с пугалом, наряженным в драную тельняшку. Папуля оправдывался тем, что в начале ноября в средней полосе России любой благословенный уголок выглядит угрюмо и непрезентабельно. Летом там все совершенно иначе! Мы поверили.

В путь мы двинулись по первому снегу, до Бляховки доехали на удивление быстро и без приключений, и увидели Дом. Именно так, с большой буквы. Потому что назвать это строение дачей или даже домом язык просто не поворачивался.

Дом был могуч. Не знаю, чем руководствовался его создатель, выбирая место, куда бы забить первый колышек. Скорее всего, он был явно не в себе или пьян до невменяемости. Иначе сто раз подумал бы, стоит ли закладывать фундамент так близко к крутому склону холма, если рядом есть вполне ровные и удобные площадки. Но факт был налицо – Дом громоздился на самой верхней точке обширного участка, от него террасами спускался огород, а с другой стороны склон подпирали кособокие стенки, кое-как сложенные из разнокалиберных камней, собранных по всей округе.

Дом был стар, холоден и задумчив. Крытая побитым шифером скатная крыша с трудом уберегала его внутренности от непогоды. Стекла в разномастных окнах тоже были кое-где побиты и склеены синей изолентой. Никакой стильности фасадов, так строили свои замки средневековые бароны – лишь бы попрочнее, а красота дело последнее. Обойдя дом со всех сторон, я обнаружила ещё три деревянные пристройки – что-то вроде сараев или кладовок, прилепленных где придется к кирпичным стенам.

А внутри… Нет, словами это описать крайне сложно. Скажу только, что комнаты, в которых было темно из-за давно немытых окон, прихотливо переходили одна в другую. Разбираться, где тут спальня, а где гостиная смысла не имело – ветхая полуразвалившаяся мебель годилась разве что на растопку печи. А вот печь была потрясающей! Она занимала почти треть кухни и представляла собой какой-то дикий гибрид русской печи и голландки. Понизу сооружение было обложено все тем же вишневым кирпичом, потом шел пояс изразцовой плитки,

а выше – метлахской. Мамуля, увидев дверцы, приступочки и решетки, которыми оснащался сей монстр, впала в длительный столбняк. Потом робко спросила у дедули:

– Это нам придется топить?

– Придется, – бодро крякнул дед, с лязгом откинул запор на самой большой дверце, после чего та с грохотом отвалилась, обнажив черное закопченное нутро печи.

– Ой, мамочки… – всплеснула руками Аллочка. – Это что, домна?

Так мы и прозвали печь домной.

Всю зиму папуля вместе с Борькой и парой моих хахалей навещали Дом и занимались его ремонтом. Деда старались не брать, так как его неуемный энтузиазм заканчивался обычно приступами радикулита.

Насчет моих хахалей нужно уточнить. За тот период субъектов, желающих покорить моё привередливое сердце, сменилось три штуки. Ну вот такое я непостоянное существо. К моим поискам единственного и неповторимого семейство давно привыкло и только со спортивным интересом наблюдало за появлением в нашей квартире очередного кавалера с букетом наперевес и огнем неземной страсти в глазах. Обычно долее двух-трех месяцев романы не продолжались – этого периода мне вполне хватало, чтобы осознать собственную ошибку и внушить её жертве, что всё происходит к лучшему и нам, увы и ах, не суждены слишком длительные отношения. А раз так, зачем устраивать сцены и разборки? Чао, бамбино, сорри и так далее. Бамбино со слезами на глазах исчезал в туманной дали, а его место тут же занимал следующий претендент.

Так что в эту зиму хахалей случилось трое, но привлечены к ремонту Дома были только первый и третий. Правда, первый, Вадик, только в качестве подсобного рабочего, так как руки у него явно росли не из того места, которое им уготовлено природой.

Второй, которого звали Артуром, ездить в Бляховку при всем желании не мог, так как работал охранником у какой-то крупной финансовой шишки, а в свободное от охраны время старательно учился на юриста. Да и расстались мы практически мгновенно – мне осточертел поклонник, с порога заявлявший, что на общение сегодня нам судьба выделила ровно сорок семь минут.

Зато Петя был свободным художником от торговли, не стесненным во времени. К тому же он умел обращаться с пилой и топором без риска отправиться в больницу с травматически отчлененным пальцем в полиэтиленовом пакетике. Поэтому папуля счел этот мой выбор правильным и намекал, что следующего хахаля надо бы присматривать среди штукатуров-маляров.

Вот только не думайте, что я такая непостоянная от собственной ветрености и взбалмошности. Напротив, я очень хотела бы встретить человека, с которым было бы здорово провести всю оставшуюся жизнь! Но после того, как мой первый супруг полтора года говорил мне одно, думал другое, делал третье, а затем и вовсе скоропостижно умчался в Чехию в обнимку с моей бывшей лучшей подругой, я перестала доверять кому-либо, кроме себя. И стала привередой. Как только я улавливаю знакомые фальшивые нотки, всё, конец любви. Ничего мне больше не нужно, внутри поселяется колючий зверек, комментирующий все благие порывы очередного избранника в контексте его истинных намерений. Зверёныша зовут Ехидна, и самый характерный для него звук – злорадное фырканье.

Вот и Петю обфыркали в апреле… Прощай, май лав, прощай.

Надеясь, что новый кандидат не заставит себя долго ждать, я с облегчением погрузилась в работу. Собственно, работать я люблю. Это поразительное свойство моего характера, которое бесконечно удивляет всю мою родню. На данном этапе жизненного пути я трудилась в одной средней руки фирме заместителем директора по информации и коммуникации. Кто придумал название должности, понятия не имею, но мне оно нравилось. Звучит ужасно солидно и

престижно. Минусом являлось то, что сфера моей деятельности была настолько размыта, что когда мне поручали решение совсем уж диких проблем, я только руками разводила. Но, как ни странно, решала. И мне это нравилось, куда больше, чем служба в нашей вечерней городской газете, куда я влипла сразу после окончания института.

Нет, к газете у меня претензий нет, и к коллегам тоже. Почти. Но вот надрывно-склочный характер материалов, которого от меня требовал наш главный редактор, меня точно не устраивал. А ещё после того, как я написала некую скандальную статью о кандидате в мэры, этот самый кандидат взбеленился и, позвонив мне в редакцию, змеиным шепотом пообещал сунуть мне под машину противопехотную мину… Может, кандидат так шутил, не знаю. Но я развыступалась перед главным по поводу того, что писать по «рыбе», в которой куча несуразностей и непроверенных фактов, я больше не стану. Потому что уж если и погибать, то хотя бы за истину, а не за бред. И услышав в ответ, что погибаем мы за то, за что деньги платят, раз и навсегда захлопнула за собой редакционную дверь.

Кстати, тот самый кандидат в мэры так и не прошел. Но совсем не из-за моей статьи, а потому что морда у него слишком противная. Чуть позже оказалось, что он – коммерческий партнер моего нового шефа. Так что мы однажды познакомились, выпили на какой-то вечеринке и помирились, но о мине так и не поговорили.

Да, совсем забыла. Зовут меня Алиссандра, имя такое. Когда я родилась, родители никак не могли договориться, как меня назвать. Папуля хотел Александрой, а мама – Алисой. Или наоборот. Короче говоря, дедуля, которому осточертели пререкания, примирил их, заявив, что быть мне Алиссандрой Пичугиной. Я радостно проквакала из пеленок, что согласна, и обрела неповторимое и элегантное, как английский костюм, имя. Кстати, английские костюмы я терпеть не могу, но имя своё обожаю, и не выношу, когда меня зовут Сашкой, Алисой или Шуриком. Только для ближайших друзей – Алисс, и никак иначе.

Ремонтные работы в Доме шли своим чередом, и в апреле папуля торжественно сообщил, что через месяц мы можем попробовать открыть дачный сезон. Домочадцы с сомнением пожали плечами, но, как ни странно, сезон мы таки открыли. Перевезли в Бляховку массу нужных и ненужных вещей, посуды и постельных принадлежностей. Друзья и знакомые радостно всучили нам кучу ставшей им ненужной мебели, а также два пустых улья, газонокосилку и складной велосипед. От велосипеда толку было мало, потому что на нем отсутствовали какие-либо тормоза. Но в хозяйстве сгодится всё, и велосипед тоже перекочевал в Бляховку.

Наш переезд был похож на передислокацию партизанского отряда, мы не въезжали в деревню на шести грузовиках, увенчанных патефонами и пальмами в кадках, а тихо перевозили барахло небольшими партиями. Наверное, поэтому бляховские аборигены не обратили на нас особого внимания. А зря.

Глава вторая

Восходы над Бляховкой почти всегда необыкновенно живописны. Солнце алой арбузной долькой появляется из-за леса по ту сторону реки, и небо начинает играть всеми красками – от темно-синей до багряно-золотистой. А облака, если они есть, становятся серебристыми с лиловым переливом. Впрочем, все восходы тут разные, и описывать их – занятие неблагодарное. А вот наблюдать…

Дурная привычка подниматься чуть свет подарила мне в это лето возможность любоваться утренними бляховскими красотами в гордом одиночестве. В качестве наблюдательного пункта было избрано выходящее на восточный склон окно второго этажа. Я усаживалась с ногами на широком подоконнике в компании чашки кофе и первой сигареты и предавалась эстетическому экстазу.

В то утро меня разбудил вопль соседского петуха, и я прямо в пижаме спустилась на кухню, выдоила из кофеварки чашечку эспрессо, плюхнула туда кусок рафинада и, вздрагивая от нетерпения и утренней свежести, прошлепала вверх по лестнице.

Ещё не оклеенные обоями довольно скверно оштукатуренные стены и облупленные старые половицы пустой комнаты, в которой располагался мой наблюдательный пункт, отчего-то навевали приятную меланхолию. Кофе был крепок и ароматен, а мысли о том, что впереди целый день почти безмятежного существования, грели душу. Нет, правильно я сделала, что решила провести отпуск на даче. Как это патриархально и патриотично – не таскаться по заграничным курортам, набитым наглыми галдящими соотечественниками, а скрыться в деревне, в глуши, среди лесов… Опа!

Я отставила чашку, загасила окурок в щербатой розетке для варенья, которую использовала в качестве пепельницы, и свесилась с подоконника, рискуя свалиться и свернуть себе шею.

Внизу что-то явно было не так. Я же только вчера под мудрым руководством мамули выровняла сбегающие по склону грядки с цветочками и присыпала дорожки песком. И ещё подрезала мешавшие проходу ветки на лохматом кусте красной смородины. А сейчас? Словно стадо бизонов промчалось по нашему замысловатому садику, ломая и круша всё на своем пути. Растоптанные лилии, выдранные маргаритки и сломанные стрелы гладиолусов. Кошмар! Озаренная рассветным солнцем картина разрушения впечатляла. Интересно, кого это черти носили по нашей частной собственности?

А это что такое? Длинные тени мешали рассмотреть нечто странное, торчавшее из-под куста. Похоже на ручку от грабель и какие-то старые шмотки. К тому же, ветки не давали рассмотреть сверху, что же оно там валяется. Черт!

Едва не сшибив чашку с недопитым кофе, я соскочила с насиженного подоконника, скатилась по лестнице со второго этажа и выскочила в сад. Одна каменная лесенка, вторая, только бы нога не подвернулась на этих ступеньках. Я перепрыгнула через грядку с изувеченными маргаритками и уставилась на то, что торчало из-под смородинового куста. Ноги. Мужские ноги в синих джинсах и ботинках на рубчатой подошве. Это кто же в июле ходит в таких башмаках? Вернее, не ходит, а лежит, под нашим кустом! А сверху ещё и сломанные грабли, наши единственные нормальные грабли! И под этими граблями валяется какая-то пьянь, не иначе кого-то из соседей клюнула птичка «перепил».

Я наклонилась, брезгливо вглядываясь в находку. Придется будить папеньку и Борьку – одной мне с этим типом не разобраться. Или пусть дальше спит, до всеобщего пробуждения? Ишь, смородину отряс…

И тут мне стало страшно. По-настоящему, до дрожи в коленках и стука зубов. Потому что до меня дошло, что сверкающие на траве красные капли – вовсе не смородина.

Кажется, я взвизгнула. Хотя это вряд ли – визжать для меня совершенно несвойственно. В общем, какой-то панический звук я издала, потому что блохастый кобель Панариных немедленно отозвался, залаял и озабоченно загремел цепью. В утренней тишине утробное гавканье прозвучало так зловеще, что я мгновенно заткнулась. Нервно потоптавшись на месте, ещё раз заглянув под куст и толком ничего там не увидев, я решила, что пора бежать за помощью. Возможно, человек ещё жив и истекает кровью, а я тут соседских собак пугаю.

И я помчалась обратно в Дом, пытаясь на ходу вспомнить, куда сунула вчера мобильник. Скорая, милиция, караул!!!

Да, караул я устроила ещё тот. Разбуженные моими воплями папуля и Борька рванули за мной, теряя на ходу тапочки, за ними, как зомби, ковыляла сонная Аллочка в полупрозрачном пеньюаре. Мамуля не проснулась, чтобы разбудить мамулю недостаточно криков о том, что у нас под окнами человека убили.

Последним притопал дедуля в полосатых пижамных штанах. Он обозрел куст, вокруг которого мы столпились в молчаливой нерешительности, и скомандовал:

– Боря, грабли убери!

Борька ухватил обломок рукояти и осторожно потянул. Потом ещё раз. Грабли не поддавались – то ли зацепились за что-то, то ли… Я представила себе, за что могли зацепиться грабли, и с воплем «Стой!» оттащила братца. Тем временем Аллочка, наконец, проснулась, обошла вокруг куста и хладнокровно пролезла между ним и невысокой каменной стенкой.

– Алиссандра, тащи аптечку. И побыстрее, – велела она из-под веток.

– Аптечку? – растерялась я, пытаясь сообразить, что она имеет в виду.

– Ну там, бинты, вату, спирт, йод. Короче все, чем можно обрабатывать раны. И нашатырь прихвати. Скорую не мешало бы вызвать, тут черепная травма.

– Зайка, а что, он жив? – робко спросил Борька.

– По-твоему, я собираюсь бинтовать труп? – разозлилась Аллочка. Потом ветки куста задвигались, и моя невестка пропыхтела: – Теперь можно вытаскивать. Да не стойте же истуканами!

Как уж они извлекали тело, я не видела, потому что галопом поскакала за бинтами. Несмотря на свою субтильность и кажущуюся беспомощность, Аллочка работает врачом-наркологом, а значит, вполне способна отличить живого мужика от мертвого.

По дороге я вызывала «неотложку». Дело это непростое, поэтому иногда приходилось останавливаться и орать в трубку:

– Да, травма головы… упал! С крыши упал! Срочно приезжайте, это недалеко. Ну откуда я знаю, что он в такую рань на крыше делал? Какая разница, может он лунатик. Да живой он, живой. Точно говорю, живой!

Врать, что потерпевший свалился с крыши, пришлось, чтобы не отвлекать диспетчера скорой помощи, иначе начались бы долгие объяснения по поводу куста и грабель, и времени ушла бы уйма. А так приедут и разберутся, не маленькие.

– Да, тридцать лет, Иванов Иван Петрович, – вдохновенно врала я дальше, – живет в Бляховке. Да не ругаюсь я, это деревня так называется, пригород. Зрачки… Я не вижу его зрачков, и вообще ничего не вижу, я за нашатырем бегу. И температуру не мерили, зачем нам его температура, если он с разбитой баш… головой лежит! Нет, не знаю, где он зарегистрирован, понятия не имею.

Меня всегда поражало желание дам, сидящих на телефоне «03», досконально, вплоть до семейного положения, выяснить всё о человеке, которому требуется немедленная помощь.

– Нет, трезвый, – бубнила я, – одной рукой роясь в ящике комода и выуживая оттуда пакетики с бинтами и пузырьки с зеленкой. Йода не было. – А дорога к нам хорошая, хорошая дорога, говорю, а где похуже, там объехать можно. И дом сразу заметно, двухэтажный кирпичный особняк на пригорке.

Про особняк я ввернула, чтобы настырная дама окончательно поверила, что имеет дело не с похмельными деревенскими маргиналами. Наконец вызов приняли, и я с охапкой медикаментов и чекушкой водки, прихваченной вместо спирта, помчалась обратно. Уф…

Вернувшись, я увидела Аллочку, склонившуюся над неподвижным телом, уложенным на старом байковом одеяле, служившим мне подстилкой во время принятия солнечных ванн. А попросту – для валяния в саду с книжкой.

Три поколения наших мужчин робко топтались поодаль, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

– Вот, держи, – я вытряхнула на одеяло добычу и только после этого взглянула на раненого. Ох ты…

Парень, лежащий на моем одеяле был красив. Если бы не ссадина на лице и потеки крови на лбу, можно было бы сказать, что он был идеален. И, черт побери, именно такой тип, которые мне безумно нравятся! Широкоплечий брюнет с греческим носом, красиво очерченными

губами и ямочкой на подбородке. Эта ямочка окончательно меня подкосила, и я плюхнулась на колени рядом с Аллочкой и уставилась на таинственного страдальца.

– Держи! – невестка немедленно сунула мне в руки кусок обмотанной бинтом марли и ловко свернула пробку на чекушке. Потом плеснула на тампон водки и гаркнула: – Действуй!

– А что делать-то? – растерялась я.

– Осторожно стирай с лица кровь, к ранам не прикасайся. А вы не стойте столбами! – обернулась она к Борьке, папуле и деду. – Срочно тащите ножницы и зажигалку.

Послышался топот, такой дружный, что сомнений не было: за нехитрыми предметами с готовностью ринулись все трое.

Мы увлеченно возились с раненым. Под его голову уложили свернутую Борькину футболку, и Аллочка принялась осторожно раздвигать густые длинные волосы, пытаясь определить размер раны. Я стерла кровь со лба красавца. Лоб был цел, если не считать здоровенной занозы у виска.

– Ах, какие девушки! – кто-то восхищенно поцокал языком. – А что это вы, девушки, делаете с нашим другом Вовой?

Мы вздрогнули и обернулись. Позади неизвестно откуда появились двое парней. Кажется одного из них, того, что пониже, похожего на раскормленного скунса, я видела раньше. Да, точно, это он интенсивно перестраивал дом неподалеку от нас. А вот второго, светловолосого бородача с пиратской серьгой в ухе и нахальным взглядом голубеньких глазок, я видела впервые.

Тут до нас с Аллочкой разом дошло, в каком виде мы копошимся вокруг травмированного красавца-брюнета. На Аллочке надет пеньюар цвета маренго, привезенный Борькой из Эмиратов, а на мне… Ох, на мне любимая пижама с изображением огромного будильника с вытаращенными глазами. Ну и черт с ним, мы на своем участке – можем хоть в неглиже разгуливать, хоть вообще без оного! И вообще, сейчас по улицам и не в таком виде дефилируют.

– А что это вы, юноши, тут делаете, позвольте спросить? – огрызнулась Аллочка, машинально проверяя завязки на ночном наряде. – Вас сюда, кажется, не звали!

– Мы искали Вову, – глумливо ухмыльнулся бородатый, – вот и нашли в обществе таких очаровашек.

– А чё, Стасик, ничё у них тут групповушка намечается! – подхватил скунс. – Вставай, Вован, хватит прохлаждаться, у нас ещё куры не кормлены и эти… петухи не доены.

– Хватит, – отрезала я. – Если это ваш друг, то могли бы и поинтересоваться, как он себя чувствует. А заодно, и что с ним случилось.

– А чё это с ним случилось? – наигранно вскричал скунс. – Не иначе, девушки обидели! Ах, какие девушки суровые, нам со Стасиком страшно!

– Ладно, Жиря, с девушками в другой раз позаигрываешь, – спохватился бородатый. – А сейчас бери нашего Вовика и пошли домой.

– Куда «бери»? – удивилась Аллочка. – Он без сознания, сейчас скорая приедет. Ему в больницу нужно обязательно.

Скунс Жиря нервно оглянулся и зачем-то сунул руку в карман. А Стасик шагнул к нам, и глаза его злобно сощурились.

– Короче, метёлки, пшли вон! Не ваше это дело – скорая, больница… Парня мы забираем, и чтобы ни одна душа…

Я вскочила на ноги, собственным телом закрывая беспомощного красавца. В этот момент я поняла, что никакой он ни друг Стасику и Жире, а, скорее всего, их жертва. Сами, небось, его ночью избили, а теперь пришли следы заметать. Так что отдавать несчастного им в лапы было никак нельзя.

Я ещё успела заметить, как рука Аллочки потянулась к брошенному мной на одеяло мобильнику, и тут из-за угла дома появились, наконец, наши защитники. Первым торже-

ственно нес здоровенные портняжные ножницы папуля, за ним шагал Борька с пригоршней разномастных зажигалок, а завершал колонну дед с секатором и маникюрным набором. Но это мы уже потом разобрались, что они приволокли. А в тот момент мы только заметили, как вытянулись физиономии непрошенных гостей – они явно прикидывали, стоит ли связываться с тремя мужчинами, вооруженными ножницами и секатором, и двумя девицами, хоть и слабыми, но наверняка жутко визгливыми. Да ещё я наклонилась за сломанными граблями.

Смею надеяться, что именно это заставило нахалов обложить нас напоследок матом и довольно прытко удалиться. Когда они с шумом скрылись внизу, я показала им вслед кулак и подумала, что сегодня мне опять придется поправлять грядочки и посыпать дорожки. Эти слоны взрыли своими копытами, все, что ещё оставалось целым в нашем садике. Правда, не знаю, есть ли у слонов копыта…

– Кто это был? – вопросил Борька.

– Соседи наши, – меланхолично отозвалась Аллочка.

– Редкостные грубияны, – заключил папуля и многозначительно посмотрел на меня. – Алиссандра, не вздумай заводить с ними романы!

– Не вздумаю, – охотно согласилась я. – Тем более, оба не в моем вкусе.

Дед задумчиво пощелкал секатором и резюмировал:

– В её вкусе вот этот! – Закругленные стальные челюсти секатора указали на распластанного у моих ног брюнета. И в этот момент раненый пришел в себя и открыл глаза.

Глаза оказались синими, словно июньское небо. Я, готовая уже лицемерно возразить дедуле, замерла с открытым ртом. Брюнет с синими глазами, черт меня раздери!

– Я тут? – поинтересовался очнувшийся красавец и обвел нас затуманенным взором.

– Тут, тут, – подтвердила Аллочка и придержала пытающегося поднять голову пациента. – Лежите, вам нельзя шевелиться.

– А тут все кто? – продолжал вопрошать незнакомец. Потом задумался, морща нос, и добавил несколько слов по-английски. Язык-то я узнала, но вот смысл… Проклятие, и почему у нас в школе преподавали французский!

– Так ён нерусский, – констатировал дедуля.

– И с чего это ты, дед, начал вдруг выражаться, как колхозный подпасок? – удивился Борька.

– Я русский тоже! – горячо возразил брюнет. – Бабушка! Софья Павловна!

– Бабушка, говоришь? А сам-то откель? – откашлявшись, прокурорским тоном поинтересовался папуля. Мы все дружно уставились на него, потрясенные заразностью деревенского сленга.

– Откель? – удивился раненый. Потом в его глазах блеснула догадка, и он сообщил. – Ландон. – и, подумав, добавил: – Оттель.

– Ага, теперь ясно, из Англии. А к нам на участок как попал? – внес свою лепту в допрос Борька.

– Участок?

– Ага, – Борька обвел широким жестом наши владения. – Наш сад. И кто тебя по башке граблями треснул, помнишь?

– Не помню, нет. А кто был это, по башке? Зачем?

– Может, грабители? – логично предположил дед. – Деньги у тя были?

– Деньги? Деньги были, – парень попытался нашарить карман синей ветровки. Аллочка помогла ему и проверила все карманы, включая нагрудный. Они были пусты.

– И документы пропали? Ну-ка вспоминай, были у тебя с собой документы?

Но ответа мы так и не услышали, вместо этого по другую сторону дома взвыла сирена, и Борька с отцом помчались встречать медиков. Аллочка облегченно вздохнула – помощь подоспела вовремя.

Бригада в лице тучной одышливой врачихи и юноши в новеньком белом халате пробыла недолго. Ловко перебинтовав пострадавшего и выслушав наши сбивчивые объяснения по поводу отсутствия у него не только медицинского полиса, но и паспорта, медики заявили, что с такой травмой больного непременно нужно обследовать. После чего загрузили его на носилки и попросили помочь отнести в машину.

– Как вас зовут? – спохватившись, заорала я и кинулась следом.

– Алекс, – сообщил, морщась, незнакомец. Морщился он оттого, что носилки при спуске по ступеням дергались в непривычных руках папули и Борьки, а дед вообще норовил их то уронить, то треснуть о встречный угол. – Алекс Броуди.

– Они его в третью больницу повезут, в травматологию, – сообщила, нагнав меня, Аллочка. – Так что можешь двигать туда и затевать шашни, раз уж такой достойный кадр обнаружился.

– Вот ещё! – фыркнула я, пытаясь сообразить, где у нас находится третья больница. Ага, кажется, на улице Суворова.

Проводив скорую помощь, все вздохнули с облегчением. Жизнь на даче, конечно, скучновата, но лучше бы таких развлечений не было вовсе.

Мы вернулись в Дом и принялись завтракать. Без мамули, мамуля продолжала спать сном праведницы. Сразу после завтрака Аллочка отправилась на вокзал, встречать Ваську и Нюшку, которых её мама выдержала целых три недели. На такие подвиги Борькину тещу можно было уговорить только пару раз в году, не чаще. Представляю, какое счастье испытает Евгения Андреевна, вернув обратно мелких, но изобретательных хулиганов.

Я выглянула в окно. Может быть, не стоит пока приводить садик в порядок, все равно племянники устроят в нем такой дебош, что все труды пойдут насмарку. И вообще – я трудилась вчера, пусть сегодня это будет кто-то другой.

Краем глаза я поймала собственное отражение в оконном стекле и насторожилась. Быстренько прошлепала в нашу пока недоделанную ванную, где кроме рукомойника с железной пипочкой вместо крана и старого тусклого зеркала не было практически ничего, и расстроилась. Так и есть – искусанная бляховскими комарами физиономия в обрамлении всклокоченных волос, из которых криво торчит забытая в них с вечера заколка-крокодильчик. М-да… Охмурять кого-то в таком виде – занятие, мягко говоря, бесперспективное.

Ожесточено выдрав несчастный крокодильчик и швырнув его на полку под зеркалом, я самым тщательным образом причесалась, почистила зубы и протерла комариные укусы лосьоном. Теперь ещё нужно сменить изгвазданную в земле и зелени пижаму на более подходящий наряд. Хватит расслабляться! Во-первых, нужно всё-таки разобраться со странным появлением под смородиновым кустом синеглазого Алекса с берегов туманного Альбиона, а во-вторых… что-то мне подсказывало, что те два гадких типа ещё посягнут на неприкосновенность нашей территории. И поэтому следует позаботиться о средствах защиты.

Средства были: мамулин газовый баллончик и Борькин томагавк. Правда, баллончик куплен очень давно и не факт, что в нужный момент сработает. Мамуля таскает его в сумочке исключительно для самоуспокоения. А томагавк только называется томагавком, на самом деле, это гуцульский топорик на длинной ручке. И, к тому же, сувенирный. Братец не расстается с ним с пионерских времен, и в Бляховку притащил с совершенно непонятными целями.

С таким арсеналом, даже если учесть старый колун, воткнутый в колоду у сарая и пару здоровенных кухонных ножей, против бандитов не устоять. А я четко классифицировала мерзкую парочку как бандитов. Рожи у них такие – наглые и криминальные. И откуда они взялись на нашу голову?

Мои размышления прервал автомобильный сигнал. Кто бы это мог быть? На нашей машине уехала Аллочка. А позаимствованный папулей у приятеля для перевозки досок и мешков с цементом старый «уазик», гудит совершенно иначе – ревет, как бешеный слон.

Так и не переодевшись, я выскочила на крыльцо. И тут же пожалела об этом. Потому что в лучах утреннего солнца, словно богиня Аврора, навстречу мне шествовала по двору Сонька. Двигалась она не слишком уверенно – высоченные шпильки вязли в плодородной бляховской земле, а развевающиеся при каждом шаге одежды из тончайшего шелка цвета клубники со сливками наводили на ассоциации с качающейся на волнах трехмачтовой шхуной под алыми парусами. Правда, мачта была всего одна – сама Сонька. Рост в сто восемьдесят два сантиметра, близорукость и астеничное телосложение создавали неповторимый эффект: казалось, что Софи представляет собой сложный многоступенчатый агрегат, существующий по особым законам. Короче говоря, голова не всегда поспевала за ногами, а руки частенько действовали в полном противоречии с намерениями их хозяйки.

– Ты зачем приехала? – заорала я и скатилась по ступенькам навстречу подруге.

Сонька вздрогнула и остановилась, вырывая босоножку из цепких плетей вездесущего вьюнка.

– А кто меня в гости звал? – изумилась она. – Все уши прожужжала: приезжай загорать и купаться. Даже карту рисовала. Вот мы и приехали.

Точно, был такой момент. Я вспомнила собственноручно изображенный маршрут от города до Бляховки и свои дурацкие приглашения. Но кто же знал, что Соньке влетит в голову приехать именно сегодня?! И потом…

– Кто это «мы», – осторожно поинтересовалась я.

– Мы – это я, Крошка и Кеша.

– Ты завела попугая? – облегченно вздохнула я и тут же подавилась собственным вздохом, потому что из-за угла появились Крошка и Кеша. Ну, Крошка, он и есть Крошка – пегий боксер-переросток. Мы с ним давно знакомы. А вот Кешу я увидела впервые. Если бы видела раньше, ни за что бы не забыла.

Представьте себе дылду высотой около двух метров, в нелепых очках, с огненно-рыжей шевелюрой и россыпью веснушек по всем доступным обозрению частям тела. При этом выражение лица совершенно безмятежное, улыбка и без того большого рта в пол-лица, а глаза из-под очков смотрят с наивной доверчивостью первоклассника, впервые плюхнувшегося за школьную парту.

– Это Кеша? – на всякий случай переспросила я, уже сообразив, что наш домашний паноптикум пополнился ещё одним колоритнейшим персонажем.

– Это Кеша! – радостно подтвердила Сонька. – Гениальный вэб-дизайнер и мой жених. Уверена, что вы понравитесь друг другу!

Одной рукой пожимая здоровенную лапу Кеши, второй принимая от Соньки пакет с чем-то ужасно тяжелым и обеими ногами отбиваясь от желающего позавтракать моими тапками Крошки, я постаралась взять себя в руки. Со спокойной жизнью, конечно, придется распрощаться, но у всего есть свои плюсы – вряд ли злоумышленники рискнут забраться в наш сад, если по нему будет шастать здоровенный зверь со страшной мордой. Я имею в виду Крошку, а вовсе не Кешу!

На самом деле у Сонькиной собаки родословной нет, и мы чисто условно считаем его боксером – по матери. Кто был отцом пары несуразных щенков, которых неожиданно принесла, как говорится, в подоле благовоспитанная и жутко породистая сука, жившая в соседней с Сонькиной квартирой, не знает никто. Соседка обвиняла в недогляде за собачкой мужа, муж – сына, а итог вот он… Когда моя сентиментальная подруга услышала, что владельцы опорочившей свое честное имя боксерихи собираются усыпить плоды мезальянса, её сердце не выдержало. Мало того, что она взяла себе одного щенка, так ещё и второго пристроила, разжалобив знакомую чету пенсионеров. Уж не знаю, какими словами вспоминают старички Соньку, потому что вряд ли взращенный ими пес сильно отличается габаритами от своего братца.

А Крошка хорош…

Весит милая собачка килограммов семьдесят, морда, как и положено истинному боксеру, стильная – под приплюснутым носом выдается вперед нижняя челюсть с крокодильими зубами. Почему-то все начинают сразу таращиться на эти зубы, не замечая умильных карих глазок, в которых всегда один вопрос: «Что бы ещё сожрать?» Сожрать не в смысле поесть, хотя поесть псина тоже всегда готова, а в смысле погрызть и порвать. С появлением Крошки, Сонька сразу привыкла убирать обувь и одежду в самые недоступные места, и в её квартире воцарился спартанский порядок – всё, что раньше валялось, где попало, пес просто истребил.

Я сунула в зубы Крошки старый половик и он, наконец, отвязался от моих тапок и блаженно повалился на землю, подставляя солнышку пятнистые бока. Шкура у псины удивительно похожа на выгоревшую замшу, обрызганную из грязной лужи проехавшей машиной. Просто крапчатый мустанг какой-то. А если учесть, что уши и хвост ему как беспородному в щенячестве никто не купировал, то экстерьер Крошки вгоняет в ступор и видавших виды собаководов. Сонька даже подумывала о выведении новой породы, вот только название пока придумать не смогла.

Что касается характера Крошки, то его можно охарактеризовать двумя словами: избалованный оболтус. И это притом, что с мозгами у этой собаки всё в порядке, соображает она моментально. Особенно, если это касается добычи соленых орешков или чужих тапок. Благодаря Сонькиному воспитанию, пес вырос патологически ласковым и, по-моему, даже не подозревает, что собака должна уметь кусаться. Впрочем, ему это и не нужно, одного вида вполне достаточно. Ленив Крошка просто до изумления, и готов всю жизнь провести, валяясь на диванах или где придется, лишь бы кормили и спать не мешали.

Я потащила подругу и её жениха в дом, на ходу предупреждая, что высота дверей в нем разная. И есть… Бац! Это Кеша подтвердил мои слова, треснувшись в полумраке лбом о косяк.

– А мне тут нравится! – провозгласила Сонька, озирая гостиную-столовую, в середине которой красовался наш знаменитый семейный круглый стол. Покупая новую мебель для городской квартиры, мы так и не решились его выкинуть, а вот теперь пригодился. На столе стояли вазочка с яблочными огрызками и наполовину растерзанный кекс, а у стола восседал папуля с чашкой остывшего кофе и газетой. Оставив гостей на попечение родителя, я всё же добралась до своей комнаты и наконец-то переоделась в нормальные шорты и майку.

По оживленным голосам, донесшимся снизу, я поняла, что проснулась мамуля. Её пробуждение означало начало нового дачного (зачеркнуто) трудового (зачеркнуто) каторжного дня. Хоть бы Аллочка поскорее вернулась – она научилась ловко управляться с «домной», и готовит вполне сносно. А я ненавижу возиться с кастрюльками. Так что готовить обед я соглашаюсь только в отсутствие невестки, потому что отношения с печью у мамули ещё хуже, чем у меня, и со дня приезда на дачу ей ни разу не удалось накормить нас неподгоревшими котлетами.

Ага, вот и шум мотора. Я высунулась в окошко, выходящее с лестницы во двор. Наш «форд» с трудом втиснулся в между забором и Сонькиной «ауди», к которой был прицеплен трейлер. Две фигурки в джинсовых комбинезонах и панамках выкатились из машины и тут же помчались к разнежившемуся на травке Крошке. Аллочка помахала мне рукой. Вернулись!

Энергии нашей мамули, когда она не спит, может позавидовать любой фокстерьер. Хотя никакому фокстерьеру не придет в голову загружать работой других и самому весь божий день метаться от одного исполнителя заданий к другому с проверками и дополнительными инструкциями. Так что поручение закупить у местных пейзан свежего молока, а по возможности и творога, сметаны, сливок, домашнего масла, яиц и куриных тушек, я восприняла с радостью. Гулять по Бляховке, это вам не пересаживать малину и крыжовник и не чистить желоб для

стока воды. Тем более что за провиантом мы отправились с Сонькой и Кешей – гостей матушка пока не решилась припахать к сельхозработам. Ничего, всё ещё впереди!

Сопровождаемые Борькиными чертыханьями по поводу уникальной колючести посадочного материала и радостным визгом вернувшихся в лоно семьи Васьки и Нюшки, мы вышли за калитку и отправились вниз по вихляющейся в лопухах дороге.

Деревенский пейзаж радовал своей живописностью. Улиц в Бляховке как таковых не было, постройки располагались, в зависимости от того, что стукнуло в голову их хозяевам. Кирпичные дома стояли поближе к реке (а как же – таскать уворованный кирпич от берега было лень!), а деревянные жались к лесу (по тому же принципу – чтобы бревна волочь недалеко). Географическим центром поселения был небольшой выгон, на котором паслись привязанные к колышкам теленок и три козы. Коров выгоняли на высохшую болотину, там трава была выше и сочнее. Однажды я насчитала там два десятка буренок, значит, молочные продукты у селян водились. Но уговорить их продать излишки было задачей непростой. То же самое было с курами – пернатой живности болталось по Бляховке немалое количество – и куры, и утки, и белые надменные гуси. Но вот чтобы забить и продать – ни-ни. Местное население оправдывало свою репутацию нелюдимого и зловредного. Стыдно сказать, но кур мы привозили из города, в целлофановых пакетах.

Итак, мы шли по дороге. Кеша деликатно вышагивал по одной колее, а мы с Сонькой делили вторую. Ведь мне нужно было рассказать подруге о том, как я обнаружила хладный тру… вернее, тяжело раненого Алекса Броуди с преломленными граблями на груди.

– Так, говоришь, симпатичный? – перебила меня Сонька. – И по-русски понимает? Алиссандра, тебе этого мужика сам бог послал! Если ты его не охмуришь, не окольцуешь и не отбудешь на постоянное жительство в Лондон, я тебя до конца жизни буду презирать!

– Сонька, – немедленно разозлилась я, – это у тебя кольцевание является непременным ритуалом в отношении с мужчинами, а я уже однажды сделала такую глупость и на повторы меня пока не тянет. И с чего это ты взяла, что я должна ехать куда-то к черту на кулички ради мужика, которого увидела сегодня впервые в жизни? Может, он уже женат, или импотент, или голубой. Я успела только имя спросить!

– Но ты описывала его с таким энтузиазмом! – подруга закатила глаза и одновременно зажмурилась. До сих пор не понимаю, как у неё это получается.

– Ну, описывала… – Я покосилась на явно прислушивающегося к нашему разговору Кешу. – И я совершенно не против того, чтобы он заинтересовался мной. Но бежать впереди паровоза и начинать уже выбирать фасон подвенечного платья я не собираюсь!

Тут я заметила за щербатым забором торчащий из-за помидорной грядки тощий зад, обтянутый ветхими портками, и радостно завопила:

– Андреич! Привет, Андреич!

Зад вздрогнул, потом повернулся, и из-за него появилась всклокоченная голова, увенчанная древней, как мир, тюбетейкой. Андреич был чуть ли не единственным туземцем, с которым мы общались по-соседски. Видимо оттого, что он не был уроженцем Бляховки, а жил тут в приймаках у жениной родни. Да вот только вся родня, включая жену, уже переместилась на довольно обширный деревенский погост, и Андреич вдовствовал. Я вообще заметила, что смертность среди местных жителей была какая-то ненормальная, мало кто доживал до преклонных лет, всё больше гибли от каких-то нелепостей. То в доме угорят, то в болоте потонут, то друг друга в драке порешат. Поэтому дома, где обитали по одному-два человека были не редкостью, а правилом. Правда, и брошенных подворий почти не замечалось, везде кто-нибудь копошился. И всё больше мужики, баб было немного, а малых детей и вовсе не наблюдалось. Может быть, их от нас просто прятали?

Как-то, вкусив очередную порцию собственной бражки, Андреич поведал дедуле и Борьке, что есть у него взрослый сын, да только живет где-то «взагранице» и в родной деревне

уже лет пять не был. А Андреич к нему ехать не соглашался, ему нравилось быть самому себе хозяином. Коровы, правда, у него не водилось, была коза Зинаида, кролики и пара десятков огненно-красных кур во главе с петухом Штирлицем, злобным, как дикая пантера. Да сад-огород, да самогонный аппарат… Короче говоря, живи себе и живи. А «взаграницах» и воздух вонюч, и огорода нет.

Распрямившись во весь рост, Андреич приветливо помахал нам только что выдранной морковкой и засеменил к забору. Ноги, обутые в резиновые китайские тапочки аккуратно ступали между рядками свеклы и капусты, так что было видно, что Андреич трезв с утра, как стеклышко.

– Ну, что, дачники, опять побираетесь? – завопил он, увидев у меня в руках корзинку. – Али по грибы снарядились? Так грибов в лесу покудова не видать.

– Побираемся, Андреич, – кивнула я. – Матушка молока купить послала.

– Эх, нету у меня молока, – расстроился Андреич. – Всё, что Зинка дает, сам выпиваю, для собственного здравия. Может, помидоров возьмете? Ранние они у меня нынче. Да разной зелени ещё накидаю, не обижу.

– А яйца есть?

– Есть, как не быть, щас принесу! А помидоров, значит…

– Ну, неси и помидоры, – согласилась я, вспомнив наши чахлые кустики, выращенные из элитных семян. Помидорки на них висели редкие и совершенно зеленые. А у Андреича вон какие заросли вымахали!

Пока мы топтались у забора в ожидании, когда хозяин принесет обещанное, и обрывали ягоды с растущей за ним вишни-китайки, вдали послышался какой-то рев. Через пару минут я увидела промелькнувшую за соседним домом серебристую машину. Кто-то уезжал из деревни. Не наши ли утренние визитеры? Сердце неприятно кольнула мысль о том, что Алекс совершенно один, в больнице. Что если эти типы решили навестить его там?

Загрузив корзинку покупками, я потащила Соньку и Кешу по Бляховке с максимальной скоростью. И всё, что нам удалось ещё приобрести, это трехлитровая банка молока, выпрошенная за полсотни рублей у Евдокии. Евдокиина лояльность объяснялась тем, что крыша её дома требовала ремонта, и деньги были нужны. Учтем на будущее.

После этого мы в быстром темпе вернулись домой, хотя подруга вредничала и требовала продолжения знакомства с местной флорой и фауной. Но после того, как один образец фауны, мекая и агрессивно тряся бородой, попытался забодать вначале Кешу, а потом и кинувшуюся на его спасение Соньку, возражения прекратились.

Глава третья

Я не стала дожидаться обеда. Какой может быть обед, если с брошенным на произвол судьбы найденышем в страшной больнице номер три может случиться все, что угодно! Он же – совершенно неприспособленный к российской действительности иностранец, да ещё и с ушибленной головой. Мерзкие физиономии Жири и Стасика мерещились мне за каждым кустом, поэтому я наспех проинструктировала домашних, как им обороняться на случай появления бандитов, получила от мамули взамен длиннющий список продуктов, которые мне нужно привезти из города, и отбыла.

Как я прорывалась в палату, куда эскулапы заточили Алекса, лучше умолчу. Я понимаю, что обед и неприемные часы, но я же объяснила – мне нужно позарез! Вопрос жизни и смерти. Пропустили. Я полюбовалась на мирно спящего после укола снотворного красавчика с аккуратненько забинтованной головой.

Поместили его, естественно в обычную шестиместную палату, где уже обитали пара пенсионеров разной степени забинтованности, тощий юнец с костылями и двое среднестатистических граждан без особых примет. Я провела ещё один инструктаж и пообещала мужикам блок сигарет и ящик пива, если они не подпустят к постели раненого никаких сомнительных типов. Тут мне пришлось приложить максимум красноречия, чтобы живописать скунса и бородатого. По-моему, напугала я всю палату изрядно, но это и хорошо, теперь будут бдеть.

Затем в ординаторской я отловила врача, который был в курсе состояния Алекса, и допросила по полной программе. Оказалось, что опасных для жизни повреждений у травмированного, к счастью, нет. В доказательство мне был продемонстрирован рентгеновский снимок, и я убедилась в целостности запечатленного на нем черепа. А когда добрый доктор щелкнул кнопкой электрочайника и буркнул:

– Так что через пару деньков можете его забирать, – я преисполнилась такого счастья, что едва не расцеловала милого толстячка. Помешала этому медсестра, влетевшая в комнату с воплем:

– Евгений Павлович, там у Максимова опять машинка сломалась!

После чего доктор, последними словами проклиная и Максимова, и неведомую мне машинку, умчался бешеным галопом.

Я вышла в коридор. Отделение травматологии жило своей жизнью. Куда-то катили кресло-каталку, из которой пропеллером торчала чья-то загипсованная нога, неспешно ковыляли, лязгая аппаратами Илизарова, мужики, а женщины с забинтованными головами или даже лицами прогуливались поодиночке и парами. Я доплелась до поста и конфиденциально сообщила дежурившей там медсестре, что за пациентом из двенадцатой палаты, да-да, тем, что иностранец, нужен особый присмотр. Возможны покушения и прочие неприятности. Сестра отнеслась с пониманием, очевидно, она тут навидалась всякого, так что пообещала никого подозрительного к Алексу не пускать.

Но на душе всё равно было неспокойно. Я вернулась в палату и присела на стул у кровати раненого. Минут через десять он, словно чувствуя мой взгляд, приподнял веки.

– Ну, как вы? – поинтересовалась я, но ответа не получила. Взгляд синих глаз был бессмысленным, как у новорожденного.

– Вы лучше завтра приходите, девушка, он сейчас в отключке до утра проваляется, – посоветовал мне мужик с соседней койки.

Пришлось согласиться. Тем более, что Алекс снова закрыл глаза и задышал ровно и безмятежно. Я положила на тумбочку большое красное яблоко и пообещала вернуться завтра утром. Замечание мужика о том, что посетителей пускают только вечером, я проигнорировала. Он просто не знает, с кем имеет дело.

Я ехала по знакомым улицам и размышляла, стоит ли мне заезжать на работу или нет. С одной стороны, кто-нибудь непременно привяжется с очередной проблемой, которую без меня решить совершенно невозможно, а с другой мне хотелось поболтать с ребятами из охраны и расспросить их, как себя вести с теми двумя сомнительными типами. А может, мне и что-то более конкретное скажут. Или даже возьмут под охрану наш Дом, размечталась я. А что, в фирме я – лицо не последнее…

Я уже было совсем решилась, но потом поняла, что буду выглядеть в глазах охранников мнительной психопаткой, плюнула на эту идею и поехала домой. Не в Бляховку, а на нашу городскую квартиру. Мне нужно было забрать оттуда корзинку с маминым вязанием и проверить почтовый ящик.

И первый, кого я увидела у подъезда, был бредущий прочь от него тот самый щуплый очкарик, у которого мы купили Дом. Я посигналила, парень подпрыгнул на месте, словно в него ткнули электошокером, и кинулся чуть ли не под колеса моей машины. И к чему бы это такая

ажитация? Я быстренько припарковалась и выскочила наружу. Старушки на лавочке замерли в ожидании, но целоваться с очкариком я не собиралась. Он, впрочем, тоже. Физиономия у него была хмурая, озабоченная, слегка поцарапанная, а скула явственно припухла и покраснела. У меня возникли нехорошие предчувствия. Впрочем, вру, возникли они давно, а сейчас только усилились.

Я не стала выслушивать невнятные вскрики юноши (кстати, как его зовут-то – Саша или Паша?) на улице, а втащила его в дом. Там, вникая в то, что он рассказывает, я добыла из морозилки лед, завернула в салфетку и велела приложить к физиономии.

Услышанная история мне крайне не понравилась. Часа полтора назад к Саше или Паше явились два хмыря. Ага, те самые, наши бляховские соседи – скунс и бородатый, без вариантов – парень их очень живо описал. Вначале интересовались, окончательно ли оформлена продажа Дома. Когда узнали, что документы все получены новыми хозяевами, стали допытываться, откуда мы взялись и кто такие, потом зачем-то дали Саше или Паше по морде и уехали. Нет, наш городской адрес он врагам не выдал, да они и не спрашивали, ведь найти нас в Бляховке проще пареной репы. Перепуганный парень в деревню ехать не рискнул, но решил на всякий случай нас предупредить, уж больно ему визитеры не понравились.

– А откуда они твой адрес узнали? – удивилась я, наливая в чашки чай.

– Так я его в Бляховке всем соседям оставлял, когда хотел дом продавать – для потенциальных покупателей, так что… – он поёжился.

Я настолько разнервничалась, что о необходимости закупить провиант вспомнила только в последний момент, едва не проскочив мимо супермаркета. Хорошо, что на глаза попался, иначе мамуля устроила бы мне головомойку. Запихивая в тележку пакеты и коробки и пытаясь понять, что в списке означало «соб. кор. 5 кг» и «кот. 50 шт», я бродила между стеллажами. Потом затащила тяжеленные пакеты в машину, ладно хоть парень, маячивший у входа, сжалился и помог. Нет, жизнь в деревне, конечно, хороша, но таскать туда тоннами продукты – это как-то ненормально.

Подъезжая к повороту, где мне нужно было съезжать на грунтовку до Бляховки, я вдруг начала озираться, потому что в голову закралась мысль о возможной слежке. И только усилием воли и мысли, я заставила себя перестать крутить головой – смысла в наблюдении за мной не было абсолютно никакого. И вообще, мне нужно поменьше читать детективы на ночь… Тут я въехала в первую рытвину, лязгнула зубами и сосредоточилась на дороге.

Бляховка появляется внезапно и сразу вся – из-за поворота выезжаешь на бугорок, и вот она, деревня: направо ползут вниз огороды с баньками, за которыми видны крыши домов, а налево дома карабкаются на склоны. И в лучших традициях русского пейзажа внизу поблескивает извивами речка Рузняйка. Лес вокруг смешанный – сосна с березой и осиной. И охватывает этот лес деревню широкой дугой. Единственная дорога ещё некоторое время петляет среди домов, а потом растекается в разные стороны уж совсем несолидными проездами.

Я направила машину вверх, к Дому, тут спешить нельзя, слишком много камней, а я, все же, не на танке еду. Краем глаза я заметила, как невдалеке кто-то промчался огородами. Коза? Собака? Всполошенный петух перебежал дорогу и скрылся в лебеде.

У Дома царила невиданная до сих пор паника. Я ощутила её мгновенно, ещё не успев въехать во двор. Но крыльце, заломив руки, возвышалась мамуля, перед ней громоздилась куча спальных мешков, сумок и каких-то отдельных шмоток. И скарб продолжал лететь из распахнутых дверей трейлера.

Аллочка тащила куда-то упирающихся детей, а папуля на повышенных тонах общался с кем-то по мобильному телефону. И только распластавшийся в тени забора Крошка мирно дрых, не поводя и ухом.

– Что произошло? – устало поинтересовалась я, выбираясь из машины.

В ответ я ожидала услышать нечто вроде: «веник потерялся» или «мама тлю на капусте обнаружила». Но тут из-за угла вывернул Борька и буркнул:

– Первое – мы нашли настоящий мертвый труп. Второе – деда, кажется, похитили!

– Ну ни фига себе… – только и смогла произнести я. А что бы вы изрекли в такой ситуации?

Дальше всё происходило, как в дурном кино: Борька потащил меня за дом, потом через пристройку вниз в подвал – там было нечто вроде люка с ветхой деревянной лестницей. Подвал под Домом устроен довольно хитро: в одну его часть можно спуститься, если открыть дверцу из сеней. Там все чин-чином – крутые каменные ступени, внизу довольно обширное мощеное камнем пространство, уже почти не захламленное – за зиму папуле удалось вытащить из него почти всю вековую рухлядь и частично сжечь, а частично свалить в сарае, чтобы позже вывезти на свалку. Мамуля мечтала устроить в этой половине подземелья полки для хранения припасов.

Вторая часть подвала отделялась от первой глухой каменной стеной и была куда запущенней, до неё просто пока руки не дошли. Часть её занимал огромный фундамент «домны», а в углу проходил довольно хитрый водосток. Папуля давно хотел с ним разобраться, потому что чугунные трубы были состыкованы кое-как, что грозило утечкой и застаиванием воды в подвале. И вот сегодня мамуля заявила, что засорился желоб, по которому вода стекала за пределы нашего участка и дальше совершенно неэкологично сливалась в яму, игравшую роль дренажа. В общем, система ещё та… Нормального строителя точно кондрашка хватила бы.

Как я поняла, мамулина разнарядка на прочистку водостока досталась папуле, и тот принялся за дело. Но чем дольше чистил, тем больше понимал, что придется что-то делать и с трубой, выходивший из подвала в желоб. Нужно было либо поднимать трубу, либо изменять наклон желоба. Легких путей мы, как известно, не ищем, поэтому папуля влез в подвал и принялся там за земляные работы. Ровно через пятнадцать минут он выковырял из-под трубы череп.

Вопль, изданный папулей, взволновал округу. Даже Андреич примчался.

Некоторое время все созерцали забитые землей глазницы страшной находки, потом Борька поковырялся ещё и зацепил штыковой лопатой пару костей. На этом всё решили остановить и вызвать милицию.

– А дед? – напомнила я, рассматривая чьи-то останки, сложенные на старой газете. В свете фонарика композиция больше всего напоминала пиратский флаг – череп и две скрещенные косточки.

– Слушай дальше. Пока мы суетились, никто не замечал, что деда нет, не до него было. А когда немого очухались и из подвала вылезли, смотрим, на капоте Сонькиной машины придавленная камнем записка лежит. Дескать, если вы немедленно подвал не запрете и все отсюда не свалите, хана вашему дедушке.

– Какого же черта ты раньше молчал?! – заорала я, как только смогла прийти в себя. Первоначально к заявлению о похищении деда я отнеслась довольно легкомысленно, поскольку вообразить себе такое просто не могла. Нужно знать нашего дедулю, чтобы понимать – похитить такого кадра могли решиться только идиоты. И вот те на… Нашлись!

– Кто, я молчал? – оскорбился братец. – Это тебе чужие кости ближе родного деда оказались!

Я проигнорировала Борькину несправедливость, присела на какой-то ящик и задумалась. Несомненно, всё это было одной цепочкой: раненый Алекс, появление пары мерзких типов, их визит к Саше (или Паше – с именем я так и не разобралась) и теперь похищение и шантаж. Но почему?! Почему всю зиму папуля с Борькой мирно ремонтировали Дом, потом сюда приехало всё наше шебутное семейство. И никто не лез к нам, наоборот – сторонились, стараясь избе-

жать любого общения. Неужели мы так досадили аборигенам, что они решили таким образом заставить нас покинуть Бляховку? Но причем тут англичанин, да ещё какой-то левый скелет?..

Рискуя свалиться с дряхлой лестницы, я вылезла наружу. Мамуля продолжала трагически топтаться на крыльце. Из трейлера доносились сдавленные проклятия. Теперь барахло затаскивали внутрь. Вернее, Кеша меланхолически швырял его внутрь по команде «Давай!». Я заинтригованно заглянула в распахнутые дверцы. Сонька, облаченная в перламутровые леггинсы и длинную футболку, раздраженно перетряхивала влетающие сумки.

– Что ты ищешь?

– Пистолет, – ответил за Соньку Кеша.

– Пистолет?! – я чуть не села в траву.

– Она спрятала мой газовый пистолет, – подтвердил Кеша. – Хорошо спрятала, на совесть.

Ага, будем знать, что Сонькиному жениху не чужд сарказм.

– Алиссандра! – донеслось из Дома. – Алисс, у тебя мобильник заряжен?

Я поспешила на зов, доставая телефон. Папуля схватил его и принялся сосредоточенно тыкать в крошечные кнопочки. Пока он это делал, я узнала, чего он добился, посадив батарейку на своем. Да ровным счетом ничего: оказывается, Бляховка – спорная территория.

Тут я вытаращила глаза от удивления, я-то думала, что спорные территории бывают только в военных или государственных конфликтах. Оказывается, нет. Наша милая деревня расположена на самой границе двух районов, так что первый район считает, что Бляховку должна оберегать милиция второго, а второй – что первого. Всё это в подробностях объяснили папуле двое дежурных по райотделам. Учитывая, что скорая помощь приехала утром без всяких возражений, выглядело всё это более чем странно. Но факт оставался фактом: обе милиции к нам приезжать не желали. Правда, в одной пообещали прислать… археологов. Зачем нам археологи, было не совсем понятно, но отказываться папуля не стал – пусть едут, нам не жалко.

– А когда дед исчез? – поспешно спросила я, видя, что родитель с пятой попытки набрал таки нужный номер.

– Аллочка говорит, что он собирался на реку рыбу ловить, вот с того времени его никто и не видел. Но на берегу его нет, Борька проверял. Алё!.Алё!!!..

Так, значит, если деда похитили, то случилось это либо у реки, либо по пути к ней… Я пулей вылетела из дома, понизу обогнула наш садик и свернула на тропинку, ведущую к Рузняйке. Тут нужно было быть особо внимательной, поскольку сверзиться со склона означало не только ссадины и синяки, но и полет в заросли крапивы, которая росла повсюду и высотой была почти в человеческий рост. Я горной козочкой скакала вниз, одновременно размышляя о том, что утром именно с этой стороны приходили Жиря и Стасик. А вон и дом виднеется, во дворе которого я раньше видела противного скунса. Ага… Сейчас там, вроде бы, тихо. Или это только кажется?

Спустившись к реке, я обежала кусты ивняка и маленькую заводь, где обычно дед забрасывал удочку. Никого. Пусто было и на поросшем травой пологом бережке, с которого мы обычно купались. И вообще – тишина стояла какая-то зловещая, нехорошая тишина.

Как там Борька сказал – немедленно запереть подвал и уехать всем отсюда? И ради этого деда умыкнули? Абсурдность происходящего была видна невооруженным глазом. Ну даже если мы кому-то тут настолько осточертели своими рейдами по деревне в поисках молока и яиц, купаниями в Рузняйке или мамулиными криками по поводу обнаружения чужих куриц, роющихся в клумбе с настурциями, то можно было просто прийти, сказать… А зачем напали на Алекса? И где могут прятать похищенного деда?

Я обернулась и уставилась на окрестный пейзаж. Дом высился над склоном. Можно было бы сказать – гордо высился, если бы не несуразный фасад с пятью разновеликими окнами. Такое впечатление, что строители абсолютно не задумывались о том, как со стороны будет выглядеть их детище. Да так оно, скорее всего и было. Справа виднелась крыша Панариных,

солидная, крытая выкрашенным суриком железом. А слева, наполовину скрытый деревьями, маячил вражеский бастион – кирпичное полутораэтажное строение. Говорю полутораэтажное, потому что дом был двухэтажным лишь частично – примерно полдома осталось без надстройки. Наверное, хозяину материала не хватило. Или терпения.

Я подозрительно прищурилась. Показалось мне или нет, что над этим домом курился дымок? Причем, совсем не там, где торчала закопченная труба, а где-то ещё левее. Такое впечатление, что костер жгут.

Словно партизан, я прокралась вдоль подножия холма и оказалась в небольшой ложбине. Соседний склон был не так крут, как наш, и крапива тут росла какая-то хилая, пополам с одичавшей малиной. Что, впрочем, не делало заросли более проходимыми. К тому же из них на меня то и дело алчно пикировали проголодавшиеся комары.

Найдя, наконец, едва заметную тропинку, я полезла вверх. Бляховские ландшафты хороши для поддержания фигуры, хотя моя фигура и без них была вполне ничего. Поэтому я без проблем пролезла между жердями забора и оказалась на запущенном огороде. Тут явно никто года два ничего не сажал, и только самосевный укроп конкурировал с разлапистыми листьями хрена. Притаившись под этим хреном, я высунула наружу нос и обозрела открывшееся пространство.

Первое, что я увидела, была здоровенная куча битого кирпича, смешанного с землей и другим мусором. Потом я увидела ещё несколько аналогичных куч. Такое впечатление, что хозяева разносили строение, ломая стены и одновременно подкапывая их. Ещё там валялись ржавая тачка, носилки и лопаты. И никаких следов новых стройматериалов: ни штабелей кирпича, ни корыт с засохшим раствором. Может быть, они решили вначале снести все ненужное, и только потом построить нужное? Ну что же, своя рука владыка. Главное, что во дворе не было ни души, даже вездесущие куры не копошились у крыльца. А дымом пахло, причем, пахло сильно, хотя источник возгорания я так и не видела – он был где-то с другой стороны дома.

Я уже было собралась выползать из своего хренового укрытия, как вдруг раздался шум мотора. Даже не шум, а рев, снизу к дому взбирался автомобиль, которому не мешало бы сменить глушитель. Во двор вкатилась измученная «газель», уткнулась носом в кучу мусора и испустила последний тяжкий вздох.

Из кабины, вопреки моему ожиданию, появился не Жиря и не Стасик, а немолодой мужик в шортах и шлепанцах. Пару минут он слонялся по двору, пиная битый кирпич, потом почесал длинную пегую бороду и полез в кузов. Два типа, которых он оттуда извлек, были похожи на головешки – низкорослые и до черноты загорелые брюнеты, заросшие длинными волосами. Двое из ларца, сомнамбулически пошатываясь, поддернули штаны, надели замусоленные рукавицы, подняли с земли лопаты и взялись за работу. Мусор с грохотом полетел в кузов несчастной «газели».

Я заскучала. Судя по взятому темпу, они тут могут возиться до темноты. Да ещё не факт, что хозяева этого дома имеют какое-то отношение к похищению деда. Почесав очередной комариный укус, я решила потихоньку ретироваться. Тем более что и дымом уже почти не пахло, да и сдался мне этот дым….

Пятясь, я отползла за кусты крыжовника и оглядела окрестности. Отсюда довольно хорошо просматривался наш Дом, только крыльца и машин не было видно. Зато сад – как на ладони. Нужно будет это учесть и не загорать в чем попало на открытых участках. И забор, на высокий фундамент которого в данный момент карабкался чей-то блудливый козел со сломанным рогом, хорошо бы поправить…

Соседние подворья были подальше, и рассмотреть там что-то без бинокля было сложно.

Я глянула вниз – от реки по тропинке поднимались две одинаково длинные и тощие фигуры: Сонька и Кеша. Шли они быстро, размахивали руками и вертели во все стороны головами. До меня долетели слова:

– … а теперь ещё и Алисс исчезла, просто Бермудский треугольник какой-то…

Я вслушалась. Черт, это же они меня ищут!

Уже не думая о том, что меня могут заметить те трое с «газели», я чуть ли не кубарем скатилась по склону прямо под ноги подруги и её жениха.

– Ты где была?! – немедленно заорала Сонька.

Я едва успела открыть рот, как вдруг прямо у меня за спиной грохнул взрыв. Словно в замедленном кино я видела, как Кеша дергает за руку свою невесту, и они оба с изумленными и испуганными лицами обрушиваются в крапиву. Зачем-то я ещё обернулась и успела заметить серое облако, вздымающееся над крышей того дома, около которого я только что была, и парящий в небе обломок доски, и летящие вместе с ним какие-то черные клочья. Потом цепкие пальцы впились в мою щиколотку, и я повалилась на что-то жесткое и угловатое, больно ушибив локоть и колено. Только после этого мне пришло в голову заорать, но я не успела это сделать, потому что орать начала Сонька. Пожалуй, я в первый раз услышала, как она умеет вопить, и страшно удивилась.

Так мы и лежали некоторое время. Потом Сонька замолчала, и стало слышно, как галдят перепуганные вороны. Жесткое и угловатое заворочалось подо мной и где-то в районе моего живота робко поинтересовалось Кешиным голосом:

– Что это было?

– Похоже на теракт, – буркнула я. – Или боевики вошли в деревню.

Словно в подтверждение моих слов, раздался громкий топот, треск и прямо по нашим поверженным телам промчались трое полуголых смуглых мужиков, резво устремившись к реке. Сонька пискнула, а Кеша взвыл и принялся спихивать меня, причитая:

– На руку наступили, сволочи! Часы раздавили!

– Кто это был? – Сонька уселась по-турецки и проводила взглядом улепетывающую троицу.

– Понятия не имею. – Я, наконец, сползла с Кешиного тела и уселась рядом с подругой. – Приехали на грузовике за мусором. А тут бабахнуло.

– Что бабахнуло? – Кеша снял с руки часы, потряс ими, вздохнул и сунул в карман. Потом пошарил в своей огненной шевелюре и, морщась, выдрал из неё репей.

– Ну откуда мне знать! Может, у них там склад боеприпасов был. Зацепили какую-нибудь бомбу лопатой, и шарахнуло…

– Тогда бы они не бегали, – рассудительно возразила Сонька. – Тогда бы они, скорее, летали.

– Вы как хотите, – вздохнула я, – но лезть туда и проверять, что там взорвалось, мне совершенно не хочется.

– Может, хоть теперь милиция согласится приехать, – особой надежды в голосе Кеши я не уловила. Действительно, если уж похищение человека и обнаружение неизвестных останков милиционеров не вдохновило, то какой-то взрыв… Боже мой! Дедуля! Про него мы забыли, а что если он там, в этом бандитском гнезде – раненый, истекает кровью…Надо идти за подмогой и организовывать поиски!

– Смотри, наши белый флаг выкинули, – удивилась Сонька. – Кому сдаемся?

Я обернулась. Из окна второго этажа Дома кто-то махал шваброй с привязанной к нему белой тряпкой. Похоже, это мамуля. Да, точно, мамуля в своем сарафане с подсолнухами.

Вскочив на ноги, я помахала в ответ. Швабра описала полукружие и исчезла, вместо неё в окно высунулась мамуля и вначале показала кулак, а затем тоже принялась махать руками, явно призывая нас в стены фамильной цитадели.

Пришлось в темпе карабкаться обратно к Дому. Сонька подгоняла Кешу, который жаловался на то, что я ему так въехала локтем в живот, что он до сих пор полностью разогнуться не может. Я в свою очередь заявила, что едва не сломала руку об его живот. К ссадине на колене

я слюной приклеила листок подорожника. Интересно, Аллочка всю зеленку и водку извела на Алекса, или что-то осталось?

Глава четвертая

Перед Домом суета ещё увеличилась: во-первых, приехали таки археологи. Борька затащил их в подвал и с подробными комментариями продемонстрировал вырытые кости. Чтобы получше рассмотреть находку один археолог поволок череп наверх и едва не свалился с лестницы, когда прогремел взрыв. Но удержался. Так что теперь посреди стола, вкопанного под яблоней, лежали чьи-то бренные останки. Их задумчиво ковыряли двое бородатых парней, а поодаль топтался всполошенный Андреич, опять прибежавший к нам, чтобы узнать, что стряслось, и кого взорвали.

Во-вторых, куда-то пропал папуля. Он ушел ещё до взрыва и приезда археологов, сердито заявив, что будет искать исчезнувшего дедулю самостоятельно, раз милиции наплевать. И теперь мамуля сходила с ума от волнения за него. До этого она переживала и за нас, но мы уже нашлись, а папуля – нет. Борька, мучимый противоречивыми чувствами, то уговаривал жену сейчас же уезжать в город вместе с детьми, то начинал утверждать, что ничего страшного не случится, если они останутся. Аллочка ворчала, что бабушка могла бы ещё неделю потерпеть внуков, и запихивала в машину сумки с вещами. Васька и Нюшка сидели под столом, на котором лежали кости, и ни в какую не желали оттуда вылезать.

Также выяснилось, что Кешин пистолет все же отыскался – в холодильнике. Обнаружил его папуля, когда решил, что неплохо бы сунуть туда купленную мной еду. Пистолет спокойно лежал рядом с сосисками, и если бы кто-то спросил, как он туда попал, я могла бы выдвинуть с полдюжины версий. Но теперь пистолета опять нет, потому что именно с ним и отправился в поход наш родитель. Сонька схватилась за голову, Кеша впал в задумчивость, а я решила, что правила вежливости требуют хотя бы познакомиться с приехавшими археологами, а то среди взрывов и моих родственников они наверняка чувствуют себя не слишком уютно.

Совершенно одинаковые, словно однояйцовые близнецы, бородачи дружно уставились на меня. А я всего-то и сказала, что зовут меня Алиссандра. Только потом до меня дошло, что после ползания в зарослях хрена и барахтанья в крапиве, мой внешний вид… Да, мягко тут не скажешь. Мои светлые джинсы и белая футболка выглядели так, словно я взорвалась вместе с силосной ямой. Но свои имена археологи все-таки смогли вспомнить, звали их Денис и Дима. Парни были студентами исторического факультета нашего университета и в Управление по охране памятников попали на преддипломную практику. Так что гоняли их в хвост и в гриву, вот и к нам прислали проверить, что там очередные дачники наковыряли.

– И знаешь, – прочувственно сообщил мне Денис (от Димы он отличался густотой бороды и очками), – странное дело. Череп-то, кажется, гораздо старше остальных костей.

– Как это? – раскрыла я в изумлении рот.

– А вот, похоже, когда его закопали в вашем подвале, он уже был черепом. Никаких органических остатков. Чистенький, только чем-то черным испачкан – вроде бы краской. А косточкам не так уж много лет, от силы полсотни или чуть больше. Но это мы попозже скажем. А ещё внутри черепушки было вот это. – И он показал мне испачканный в земле желтенький кругляшок.

– Монета? – догадалась я.

– Ага, царский червонец. Мог, конечно, наш клиент, – он взял в руки череп, – держать его, к примеру, за щекой в момент смерти. Но опять-таки – внутри никаких следов органики, чистая земля с песочком и камешки. – Для убедительности он потыкал пальцем в кучку земли на газете. Я с сомнением посмотрела на кучку. Действительно, следов органики нет. Хотя кто

его знает, как должна выглядеть эта самая органика. И вообще – гадость! Как мы теперь будем чай пить на этом столе?

Мои размышления и нашу увлекательную беседу прервала Аллочка, попытавшаяся извлечь из-под наших ног затаившихся под столом ребятишек. Брыкающийся Васька первым был вытащен за помочи штанов и заперт в машине, а Нюшка тем временем успела удрать с воплем: «Никудаянепоеду!!!». За ней ринулся Борька, за Борькой мамуля. Аллочка проводила взглядом группу захвата, потом со стоном рухнула на скамейку и пожаловалась:

– Ну почему у нас всегда вместо нормального отдыха получается какое-то шапито?

– Девушка, вас честно предупреждали, когда вы шли под венец! – отрезала я.

И действительно, познакомившись семь лет назад с будущей невесткой, я под воздействием совместно распитой бутылочки сливочного ликера выложила начистоту всё, что думала о нашей семейке. Аллочка слушала, раскрыв рот, но в глазах её читалось откровенное неверие в живописуемые коллизии. Потом она призналась, что большую их часть списала на мою, порожденную учебой на журфаке, привычку все гиперболизировать и утрировать.

И только спустя несколько месяцев после свадьбы, когда наше семейство затеяло обмен квартир и переезд, до Аллочки стало доходить, насколько я была права.

Дело в том, что каждый член нашей семьи по отдельности – милейший человек и умница. Без исключения! Но стоит им собраться вместе, как возникает нечто вроде коллективного разума или, скорее, коллективного безумия, толкающего наш клан на совершенно идиотские поступки. И я не исключение, отнюдь. Могла ведь, услышав о похищении деда, сразу сесть в машину и смотаться в город, чтобы вырвать из недр прокуренного кабинета Вовку Спиридонова, моего одноклассника, а нынче работника городского Управления внутренних дел. Но про Вовку я забыла начисто, а вместо этого зачем-то поперлась самостоятельно разыскивать дедулю. И папуля тоже хорош: ну за каким лешим ему понадобилось изображать из себя рэйнджера? И что интересно, я точно знаю, когда эта идея пришла ему в голову – когда он увидел Кешин пистолет среди сосисок.

Я смотрела на корчившего из машины рожи Ваську, на расположившихся на травке Соньку и Кешу и прикидывала, стоит ли мне всё-таки ехать за майором Спиридоновым. Что-то подсказывало мне, что таки не стоит. Ну не верила или почти не верила я в то, что в Бляховке можно похитить и спрятать человека так, чтобы он не смог выбраться. Тем более, нашего дедулю, известного чтеца всевозможных детективных историй. Наверняка ведь найдет способ если не сбежать, то подать знак. Хотя, с другой стороны, домищи в деревне крепкие, подвалы тоже. Взять хотя бы наш… Да и всякие снотворные, хлороформы и прочие скотчи и веревки. Ещё можно увезти отсюда и запереть пленника где-то за пределами Бляховки.

Аллочка с археологами затеяли разговор о том, водятся ли в нашем Доме привидения. По идее, должны бы водиться, раз в подвале такие дела… Но мы как-то не замечали. Однажды только влез на кухню и спрятался в духовке чей-то черный, как смоль, котяра. И когда мамуля появилась там с заварочным чайником, сиганул ей под ноги. Чайник вдребезги, мамуля отдыхает с валерьянкой, ничего особенного.

Так, вернемся к деду. Кстати…

– Дым!!! – заорала я так, что Аллочка едва не свалилась со скамейки.

– Пожар? – вскочила Сонька, до этого меланхолично созерцавшая всеобщую суету. Кеша тоже удосужился вопросительно вздернуть брови.

Археологи нервно оглянулись.

– Нет, я видела дым, – объяснила я, стараясь не делать резких движений. – Вон за тем домом. А потом был взрыв.

– Ты хочешь сказать, что дом подожгли, и он взорвался? – спросила Аллочка.

– Если бы он взорвался, то его бы уже не было. А он вон, стоит. Значит, взорвалось что-то другое. А перед этим из-за него шел дым. Значит, что-то подожгли, а потом раздался взрыв.

– Думаешь, дед? – догадалась невестка. – А что, похоже.

Дедуля у нас носит подпольную кличку Пироман. Нет, он не устраивает пожары вследствие старческого слабоумия, с мозгами у него всё в порядке. Просто до самозабвения любит всяческие огненные забавы типа фейерверков, бенгальских огней и петард. Наверное, в детстве не наигрался. Также он большой любитель свечей и каминов. Камина у нас нет, но дед уже неоднократно выступал с идеей переделать под него домну. И только категорические возражения Аллочки, не желавшей готовить еду на открытом огне, остановили эти происки.

Дед и трубку начал курить именно потому, как утверждает мамуля, что её нужно долго разжигать с помощью специальной изогнутой зажигалки. С трубкой и зажигалкой дед не расстается и постоянно таскает их в кармане. Так что устроить сигнальный огонь, в случае невозможность связаться с нами иным способом, для него – раз плюнуть. А уж что там он взорвал, можно только догадываться.

– Борька! – окликнула я появившегося из-за угла дома братца. На его шее, ухватившись за родительские уши, гордо восседала Нюшка. – Борька, давай сходим и посмотрим, что там взорвалось.

– С ума сошла? – Борька вручил дочку Аллочке и покрутил пальцем у виска. – А если там гнездо террористов? Ведь говорил же я, что эта Бляховка – жутко сомнительное место, а кто меня слушал?

– Борь, – с расстановкой произнесла я, – если дедулю похитили и не отобрали у него зажигалку… И если он сумел развязать руки….

Братец вытаращил глаза:

– Думаешь, он подорвался с помощью трубочной зажигалки? Ты соображаешь, что несешь?!

– Балда! – заорала я в ответ. – С чего это ему себя подрывать?! Он скорее всех вокруг взорвет. Вспомни серебряную свадьбу!

Да, серебряная свадьба наших родителей надолго запомнилась не только нам, но и всем гостям. Дело происходило летом, и поэтому празднество решили устроить за городом – сидеть в душном ресторане никому не хотелось, а наша квартира всех гостей вместить просто не могла. И всё было отлично: и шашлыки, и накрытые на зеленом речном берегу скатерти-самобранки. И даже Савелий Николаевич не слишком упился. Апогеем праздника должен был стать вечерний фейерверк, задуманный дедом как нечто совершенно потрясающее. И потрясение получилось. Дедуля не нашел ничего лучшего, чем расположить свои пиротехнические игрушки вокруг бивака, и когда рядом с разомлевшими и разбредшимися по окрестным кустам гостями начали одно за другой начали с треском взлетать ракеты и шутихи, эффект получился сильным. Если бы жива была бабуля, дед точно схлопотал бы по шее. Бабуля у нас была скорой на расправу, царствие ей небесное.

– Ладно, давай сходим и посмотрим, что там да как, – подумав, согласился братец. – Только знаешь, лучше мы с Иннокентием…

– Ну уж нет, – возмутилась я. – Я там уже была и знаю подходы к этому змеиному гнезду.

– Тогда уж и я с вами, – встряла Сонька. А то как же – оставит она Кешу без присмотра, ждите.

Борька критически глянул на нас и хмыкнул:

– Так и попремся целой делегацией? Вы ещё мамулю с собой возьмите! – почесав нос, он обернулся к супруге: – Ты, солнышко, нас дождешься, или сейчас поедешь?

– Дождусь, – устало махнула рукой Аллочка. – Нужно же убедиться, что вы вернетесь целыми и невредимыми. И потом, дедуля и Игорь Олегович… – за семь лет замужества Аллочка так и не привыкла называть папулю папулей, хотя мы очень старались. – В общем, топайте, давайте. А я запру на всякий случай мелких хулиганцев в доме, чтобы за вами не увязались.

– Крошку возьмем? – спросила, вставая и отряхивая колени, Сонька.

– Ни за что! – отрезал Борис. – Мы идем не для того, чтобы наводить ужас на местных жителей и спасать их от Крошкиных облизываний.

– Весело у вас тут, – покачал головой археолог Дима. – Может, и нам с вами пойти в разведку. Или куда вы там отправляетесь?

– Гражданское население участия в войсковых операциях не принимает! – отрезал Борька таким генеральским тоном, что у на с Аллочкой глаза на лоб полезли.

Кеша обреченно поднялся с мягкой травки и изобразил готовность следовать за командиром. Похоже, он уже начинал жалеть, что поддался на Сонькины уговоры погостить в нашем семейном дурдоме.

На этот раз мы решили пойти в открытую, по дороге. Тем более, что так оно было куда ближе, да и вверх-вниз пробираться не нужно.

Выйдя за калитку, Сонька вцепилась в мою руку и стала ныть, что натерла ногу. Взглянув на её каблучищи, я фыркнула:

– Надевай нормальные шлепанцы и не выпендривайся, всё равно аборигены не оценят.

Подруга вздохнула и поковыляла дальше. Борька оживленно обсуждал с Кешей достоинства и недостатки нашей футбольной сборной. Судя по тому, что они едва не проскочили мимо нужного поворота, обсуждение было увлекательным. Пришлось напоминать, что у нас не прогулка. И вообще, на подходах к вражескому логову нужно вести себя потише и не вопить: «А этот-то вообще играл, как стельная корова на лугу!»

Борька возмущенно фыркнул, но повернул в нужном направлении.

Заросший со стороны дороги вишнями и грушами дом выглядел мирно и безобидно, словно никаких взрывов и не было. Так что я даже усомнилась, действительно ли видела летящие над ним по небу ошметки. Но нет, не ошиблась, на скверной ухабистой дорожке, ведущей от калитки к крыльцу, валялся обгорелый валенок и какие-то металлические лохмотья, оказавшиеся вблизи останками ведра. Выглядело оно так, словно из него вначале с корнем выдрали дно, а потом пару раз переехали танком.

Братец притих и опасливо покосился на ужасные предметы.

Кеша пнул валенок и поцокал языком.

Сонька спряталась за мою спину и указала вперед:

– Там!

Я выглянула из-за зарослей одичавшей мальвы и увидела то, что подруга узрела с высоты своего роста – искореженный ржавый короб, валявшийся среди травы метрах в десяти от дома.

Когда, спустя пару минут, мы провели консилиум, то сошлись во мнении, что это были остатки железного шкафа для газовых баллонов. Так вот что взорвалось! И взорвалось не само – кто-то поджег хлам, валявшийся рядом с баллонами, остатки хлама разметало в стороны, но мы их сразу увидели. Да тот же валенок. Взрывом вынесло стекла в доме (если они до этого, конечно, были) и частично – рамы. Входная дверь жалко болталась на одной петле, но, опять же, неизвестно, какой она была до подрыва баллонов. А вот стены не понесли ни малейшего урона, крепкие стены у бляховских построек!

Теперь оставалось понять, кто и с какой целью организовал диверсию. Я прикинула, что в момент взрыва находилась с другой стороны дома и ниже по склону. А мужики с машиной – за углом, так что их, к счастью, тоже не зацепило. Только напугало. Тогда кого же взорвать хотели? Или это была, если говорить протокольным языком, «преступная небрежность»? Ведь нужно быть законченным идиотом, чтобы устраивать костер рядом с газовыми баллонами.

Сонька задумчиво обошла кусты, заглянула за них, пошарила в траве.

– Вроде, ничьих останков нет.

И тут мы услышали откуда-то из под земли глухое:

– А-а-а!

Не знаю, как у других, а у меня мурашки пошли по коже. Борька от неожиданности подскочил на месте и замер, разинув рот. Протяжный крик повторился, и Кеша, приложив палец к губам, наклонился и махнул рукой. К нему немедленно подскочила Сонька и тоже согнулась в три погибели.

Мы, крадучись, приблизились к стене дома, и Борька гаркнул:

– Кто тут?!

– Мы! – донесся из крошечного слухового окна, пробитого в цоколе у самой земли, знакомый голос. – Мы тут! Выпустите нас!

– Дедуля? – радостно спросила я. – Ты живой?!

– Не дождетесь! – рявкнул в ответ дед.

Некоторое время мы суетливо метались вдоль стены, но кроме упомянутого окошка никаких других проемов в цоколе не обнаружили.

– Скорее всего, вход в подвал из дома, – махнул рукой братец и довольно резво запрыгал по ступеням рассохшегося крыльца.

Сонька решила повторить его маневр и едва не поплатилась – каблук попал в щель между досками, и подруга не врезалась носом в порог только потому, что её успел подхватить бдительный жених. Я вошла последней.

Да, свинство тут царило изрядное. Похоже, хозяева решили сломать в собственном доме всё, что ломается – двери, перегородки, даже на месте печи красовались только кирпичные огрызки. Вот откуда кучи мусора за домом – в окна выкидывали.

– Ну, и где тут вход? – Сонька озадаченно потопала ногой. Поднялась пыль, пол загудел.

Через несколько минут мы обнаружили лаз – он был завален кусками фанеры и досками. Борька с Кешей оттащили их в сторону и подняли крышку люка. Открылся темный провал, вниз вела деревянная лестница, похожая на ту, которая была в нашем подвале, словно брат-близнец. Или для лестницы скорее подходит определение «сестра»?

– Дед, ты где там? – закричал братец, наклоняясь. Оставалась надежда, что пленник выберется самостоятельно, и нам не придется лезть в эту преисподнюю. Но ответом были только отчетливый стук и призыв:

– Мы тут! Заперты! Ломайте дверь.

Легко сказать «ломайте». А чем? И где она, эта дверь, если внизу ни черта не видно? И почему это дед вдруг начал о себе говорить во множественном числе? Неужели он там вместе с папулей? Но я никогда не поверю, что папуля в такой ситуации стал бы молчать. Он бы точно деда перекричал. Разве что ему рот кляпом заткнули.

– У кого-нибудь есть фонарик или хотя бы зажигалка? – спросил Борис.

Но, как назло, моя зажигалка осталась в сумке. Сонька тоже развела руками. Зато Кеша радостно вскричав:

– У меня есть! – извлек из кармана связку ключей, отстегнул от неё брелок и протянул Борьке.

– Что это за фигня? – изумился братец. На его ладони лежал резиновый ядовито-зеленый зверек непонятной породы. С крылышками.

– Это дракончик, фонарик такой. Ты ему на бока нажми. Очень удобная штука, – проинструктировал Кеша.

Борька, демонстрируя явное отвращение стиснул двумя пальцами брюшко дракончика и голова его действительно слабо засветилась.

– И с этим я должен лезть черт знает куда? – возмутился братец.

– А что делать, другого же всё равно нет.

– Вот сам и полезай, а я посмотрю!

– Давай сюда фонарь! И держи Соньку, чтобы она в люк не свалилась, – решительно заявил Кеша и довольно ловко полез вниз. Призрачный зеленый огонек то исчезал, то снова появлялся и, наконец, замер.

– Ау! – громко позвал он. – Аллё!

– Тут мы! – заголосил в ответ дедуля. – Сюда иди!

Огонек внизу метнулся в сторону и исчез. Потом раздался грохот и проклятия.

– Что там такое? – забеспокоилась Сонька.

– Всё нормально, – глухо пробубнил Кеша. – Я тут на ящики налетел. Ага!

– Сонька, не смей заглядывать вниз! – рявкнул Борька и тоже начал спускаться. То ли из солидарности, то ли любопытство замучило.

Я ухватила подругу за локоть. Как легко Сонька со своим ростом и каблуками теряет равновесие, знали все её друзья и знакомые. И знали отнюдь не понаслышке.

Из темноты снова раздался грохот, а потом стук и лязганье металла.

– Дед! – радостно завопил Борька. – Ты прямо как граф Монте-Кристо в замке Иф! Ой, здрасьте…

В общем, дедуля, вылез, конечно же, первым. Выглядел он взъерошенным, но бодрым и даже на щеках играл румянец. Но долго разглядывать деда я не стала, потому что вслед за ним по лестнице довольно резво вскарабкался сухопарый индивидуум лет пятидесяти, встал в позу, которую ваятели любили придавать скульптурам вождя мирового пролетариата, и пафосно вскричал:

– I thank, my young friends! – и сам же перевел: – Благодарью вас, мои юные друзья!

Я перевела взгляд на задумчивые физиономии Кеши и Борьки. Те в ответ только пожали плечами. Чувствуя, что в ситуацию неплохо бы внести ясность, дедуля откашлялся и сообщил:

– Ребята, это мой сокамерник. Зовут его Теодор… гм… Федь, как твоя фамилия?

– Теодор Макрайстер, секретарь миссис Броуди, – отрапортовал с готовностью сокамерник.

– Ещё один иностранец, – пробормотал Борис. – То ли у нас в Бляховке шпионское гнездо, то ли её включили в туристический маршрут «По диким просторам России».

– Да ты послушай, – замахал дед руками, – он же не один сюда приехал, а вместе с тем голубоглазеньким красавчиком, которого Алиссандра утром под смородиной нашла!

– Да, – утвердительно кивнул Макрайстер, – истинно говорью вам, Алекс, внук миссис Броуди, он был со мной. И на нас напали э-э… robbers.

– Разбойники, – машинально перевела Сонька, во все глаза рассматривая одетого явно не по сезону пришельца. Под пиджаком его мышиного цвета костюма виднелась шерстяная жилетка. Да и рубашка выглядела отнюдь не летней. И это в жару! Хотя для сидения в подвале – в самый раз.

– О да, разбойники! – продолжил иностранец. – Они ударьяли Алекса, а меня тащили в… застенки. Я не мог крьичать, нет, – он развел руками. – Рот вот так.

Он сам себе зажал ладонью рот и помотал головой. Ага, значит, эта парочка, преследуемая «разбойниками» (какими, нетрудно догадаться), с перепугу забежала в наш сад, где и была настигнута. Алекса треснули по голове, сломав грабли, а Макрайстера утащили и заперли в подвале, куда потом сунули и похищенного дедулю.

– А ты? – обернулся Борис к стоящему с невинным видом деду. – Тебя-то как угораздило?

– А что я? – удивился дедуля. – Я рыбу ловил. Ну, и задремал на берегу чуток…

– Ясно: потерял сознание, очнулся – гипс!

– Они меня по голове, сволочи, стукнули, – дед наклонился, и в его седом ежике я действительно увидела небольшую шишку. – А потом меня Федя в себя привел. И мы вместе от окошка доску оторвали, кричали долго, на помощь звали. Только вас разве когда дозовешься? – в голосе деда прозвучала обида. – Вот и пришлось сигналить.

– Просигналили вы, конечно, хорошо, – братец хмыкнул. – Чуть полдеревни не снесли. Скажите спасибо, что спецназ не приехал. И как сами на воздух не взлетели…

Дед переглянулся с «сокамерником», хитро прищурился и поведал, как ему удалось организовать столь грандиозный шухер.

Похитители, сотворив свое грязное дело, допустили одну существенную оплошность: затащив потерявшего сознание деда в подвал, они бросили рядом с ним его любимую складную пятиметровую удочку. На берегу её не оставили, наверное, чтобы сбить нас со следа. И ещё – газету «Кошмары», которую дед прихватил с собой, чтобы, как он сказал, прикрываться ею от солнца. На самом деле, газету эту он почитывал регулярно, за что был единодушно осуждаем всем семейством. Вернее, не за саму газету, а за те дикие бредни, которые дедуля после её прочтения любил пересказывать за обедом. Ну, кому понравится повествование о том, как одна старушка любовно перекрутила на фарш убиенную ею соседку вместе с соседкиной болонкой? Папуля от таких баек немедленно давился котлетой, а деликатная Аллочка вдруг вспоминала, что у неё белье замочено, и сбегала куда подальше.

И, казалось бы, что можно взорвать при помощи удочки и газеты? Какой теракт учинить? Да никакой, если бы в кармане дедовых штанов не лежали трубка и зажигалка.

Когда узники поняли, что на их крики никто не реагирует, дед решил раскурить трубочку, потом глянул на окошко, на удочку, на газету… Тяга к поджигательству стимулирует изобретательность. Но вот почему рассудительный Макрайстер его не остановил? Или не настолько он рассудителен, как кажется со своей теплой жилеткой?

Но факт остается фактом, наш старый авантюрист прицепил газету на крючок, поджег и с помощью удочки просунул подальше в окошко в надежде, что от газеты успеет что-нибудь загореться. На всякий случай у него оставалось ещё шесть страниц, газета-то была толстая. Но и второго раза не потребовалось, во дворе валялось достаточно разнообразного мусора, и он занялся почти мгновенно.

Пленники не видели, что именно горит, ведь окошко находилось метрах в двух от пола, а приставить к нему было нечего: они были заперты в совершенно пустом и даже чисто выметенном отсеке подвала. Поэтому только по запаху дыма дед определил, что план удался. После чего оставалось только ждать, что бдительные родственники заметят дым и прибегут на помощь. Ну, или, на худой конец, пожарные приедут.

Но вместо этого наверху грянул взрыв, да такой, что дрогнули стены, в оконце полетели камни, а потом по нему саданулo чем-то здоровенным, типа доски.

Перепуганные сокамерники забились в угол и стали ждать продолжения банкета. Но, как ни странно, больше ничего не происходило, до тех пор, пока они не услышали, наконец, наши голоса.

Закончив повествование, дед гордо выпятил грудь, ожидая аплодисментов. Но вместо этого Борька сурово констатировал:

– Дед, тебя без присмотра оставлять просто опасно. А если бы это был не обычный баллон с газом, а склад динамита, и поближе к стенам, а? А если бы дом загорелся?! В общем, отконвоирую тебя к родителям, пусть сами с тобой проводят разъяснительную работу!

Мгновенно помрачневший дедуля обернулся ко мне, но моё лицо тоже не выражало никакой моральной поддержки и одобрения. Хотя, с другой стороны, если бы он не поджег мусор, кто знает, сколько бы мы его ещё искали? Ну ладно, вытащили мы эту парочку из подземелья, и славно, теперь бы ещё папулю разыскать. С его рассеянностью он далеко может зайти. В прямом смысле этого слова, уже были прецеденты.

Чувствуя наше настроение, притих и Макрайстер. Только головой вопросительно крутил из стороны в сторону. Я в двух словах сообщила ему, что Алекс сейчас в больнице, и с ним всё в относительном порядке. После этого англичанин приободрился и заявил, что хочет немедленно

ехать в «госпиталь». Пришлось пообещать, что я отвезу его туда утром, когда Алекс проспится после укола.

– Отставить госпиталь! – скомандовал Борька. Роль предводителя ему явно понравилась, и расставаться с ней он не собирался. – Теперь пойдем искать папеньку, без него мы вернуться не можем. А вы, – он грозно взглянул на деда и Макрайстера, – немедленно отправляетесь домой. Ужинать.

– Ужинать ещё рано, – попытался протестовать дедуля, глянув на часы.

– Тогда обедать! – железным тоном заявила я. – Или полдничать. Никуда не сворачивая.

– Не внуки, а деспоты, – вздохнул дед, но выступать более не решился. Потом вздохнул ещё раз, сунул под мышку верную удочку, которую не забыл прихватить из подвала, и с видом невинного агнца направился к двери. Мы вышли за ним следом на крыльцо.

Во дворе всё, вроде бы, было по-прежнему. Интересно, где пропадают хозяева, они же похитители и тюремщики?

Не успела я это подумать, как кто-то выскочил, как мне с перепугу показалось, прямо у нас из-под ног и помчался прочь.

Шархнувшись назад, я, кажется, что-то кому-то оттоптала. Шипение и чертыханья, раздавшиеся вслед за этим, я уже не слушала, потому что Борька рванул за удиравшим субъектом, за ним довольно шустро устремился дед, а Макрайстер с громкими английскими проклятиями принялся выдирать из шатких перил здоровенную палку. Ему на помощь бросился Кеша, и через несколько секунд они оба, вооружившись обломками стоек с торчащими из них ржавыми гвоздями, тоже скрылись за углом дома.

Мы с Сонькой ещё немного постояли, потом переглянулись и решили не ждать, пока враг обежит вокруг дома и вернется к крыльцу. Подруга трусливо семенила за мной, ворча, что это от нас Кеша подцепил вирус безумия и ведет себя как отъявленный Чингачгук, по малейшему поводу бросая её, Соньку, на произвол судьбы. А она, как истинная бледнолицая скво, не должна…

На этом пассаже подруга умолкла, потому что разинула рот, увидев грузовичок и прижавшихся спинами к его борту троих мужичков с поднятыми кверху руками. Я сразу узнала тех, что приехали перед взрывом, а потом удирали, едва не затоптав нас на тропинке.

– Ну-ка, признавайтесь, кто вы такие и почему людей похищаете? – грозно вопрошал у них дед.

– Ничего не знаем, – бубнил главный мужик, тот, что был с бородой и в шортах. – Хозяин заказал мусор убрать, мы приехали. У нас и заявка есть.

Двое других в подтверждение его слов дружно кивали и закатывали глаза.

– А ну-ка, покажи заявку, – потребовал Борька. Мужик, опасливо косясь на деда, нырнул в кабину и достал мятую бумаженцию.

– Ага, фирма «Мэри Поппинс», наряд на вывоз строительного мусора, – прочитал Кеша через Борькино плечо. Потом оглянулся на всклокоченных перепуганных мужиков и ткнул в них пальцем: – Мэри Поппинсы?

Те в ответ дружно закивали.

– Это они на вас с Алексом напали? – обернулся братец к Макрайстеру.

Тот поочередно осмотрел все троих и отрицательно покачал головой:

– Нет, другие напали.

Я тоже засвидетельствовала, что эти типы действительно приехали только перед самым взрывом и сразу взялись за лопаты.

Сонька взяла бумагу и прочитала:

–Заказчик – Опухликов А. Ю. Это кто такой? Алиссандра, ты его знаешь?

– Понятия не имею, кто это такой, утром у нас появлялись Стасик и Жиря. Так что Опухликовым может быть и Жиря, очень подходящая ему фамилия!

– А кому, вы, ребята, собирались рапортовать о проделанной работе? – продолжил Борька допрос пленников. Те почему-то опять затравленно скосили глаза на деда, а бородатый пожал плечами и пробурчал, что ежели заказчик остался бы недоволен результатами их труда, то позвонил бы в фирму. Но обычно они работают на совесть. Оставили бы на крыльце корешок от заявки, вот и все дела.

– Значит, Опухликова А. Ю. ты сам не видел? – ткнул дед удочкой в направлении бородатого. Тот вместо ответа внезапно переменился в лице и затрясся, как овечий хвост.

– Чего это с ним? – удивилась Сонька.

Я толкнула её локтем в бок и глазами указала на деда. На фоне заходящего солнца наш бравый родственник, облаченный в старые спортивные штаны, сапоги и любимую тельняшку, выглядел весьма колоритно и воинственно. А толстенькая складная удочка с футляром для катушки в его мозолистых руках больше всего смахивала на бластер из голливудских фантастических фильмов. Не зря у бедолаг поджилки тряслись, небось, решили, что это автомат новой конструкции или вообще гранатомет.

Сонька хихикнула. А я молча подошла к деду и разоружила его. Отобрала удочку и продемонстрировала её назначение перепуганным мужикам. Всю раскладывать не стала, только одно колено, но этого хватило. Бородатый смахнул пот со лба и наконец-то ответил:

– Не видел я никого, только вас. А заказы и деньги у нас в конторе диспетчер принимает, так что… – он развел руками. – Нас послали, мы поехали – на свою голову.

– И вы хозяев дома не видели? – на всякий случай спросил Борька у «Мэри Поппинсов».

Те дружно замотали головами.

– Таджики они, – пояснил бородатый. – Ребята хорошие, но даже если что и видели, ни за что не скажут. Хотя тут я точно знаю, что не врут.

– Ну ладно, – задумчиво протянул братец, – не вижу оснований не верить вам. Так что извините, если что не так.

Извинения были охотно приняты – мужики всем своим видом показывали, что хотят как можно быстрее покинуть негостеприимное и опасное подворье. О том, чтобы закончить работу речи даже не заводили, они шустро побросали лопаты в кузов, и были таковы.

Макрайстер проводил задумчивым взглядом шустро улепетывающий грузовик и вопросил:

– Не разбойники?

– Нет, не разбойники.

– А разбойники где?

Борька в ответ только развел руками. А мне почему-то подумалось, что встречаться с этими самыми «разбойниками» нам совершенно нежелательно. И вообще – завтра же позвоню Вовке Спиридонову, заманю его к нам на блины (хотя назвать блинами выпекаемые Аллочкой лепешки – это слишком сильно) и пожалуюсь на бандитские происки соседей. Вовка живо разберется, кто такой Опухликов и почему он безнаказанно похищает пенсионеров и иностранцев!

– И всё же, где это нашего папулю черти носят? – снова забеспокоился Борис. – Скоро темнеть начнет, мама с ума сойдет, если мы его не найдем.

– Предлагаю разделиться и прочесать деревню двумя группами, – предложил Кеша, воинственно поблескивая очками. – Мы с Сонькой двинемся вдоль дороги, а вы – вдоль реки. И сойдемся у леса.

Действительно, просто вождь краснокожих, а не тот субтильный ботаник, которым он мне вначале показался. Но Борька идею не одобрил:

– Порознь они нас могут легко одолеть, – заявил он, не конкретизируя, кто такие зловещие «они». – Так что пойдем все вместе. Кроме тех, кто немедленно отправляется ужинать! – уточнил он неумолимо, и красноречиво посмотрел на деда.

Тот с независимым видом пожал плечами и потащил английского гостя к Дому, ворча, что и так сыт по горло как приключениями, так и бессердечием потомков. Но мы на всякий случай подождали, пока они дойдут до пункта назначения, и только услышав радостные восклицания мамули и Аллочки, двинулись дальше.

Глава пятая

О географии деревни Бляховки я уже рассказывала, так что сложность стоящей перед нами задачи можно себе представить. Мы шли по дороге, извивавшейся между домами, то и дело совершая броски в стороны и заглядывая за щелястые заборы, плетни и древние частоколы. Соньке и Кеше в этом плане было куда удобнее, пару раз им даже удалось напугать мнительных аборигенов пристальными взглядами поверх тесовых ворот. Я же просто пролезала в разнообразные дырки и задавала попадающимся пейзанам один и тот же вопрос: «Дачника не видели?» Вопрос был универсален: если кто-то видел папулю, то непременно начинал ругать «пришлых», а если не видел, то просто мрачно удалялся, махнув рукой.

Как ни странно, но такие маневры приносили свои плоды, мы выяснили, что папуля двигался довольно целенаправленно, и успел прочесать Бляховку по диагонали, от нашего дома к реке. Потом он внезапно свернул и изрядно наследил на грядках мрачной старухи, жившей около выгона. Старуха спугнула вредителя и жалела только об одном – не успела спустить на него цепного кобеля. Вслед за этим нам попался довольно молодой нетрезвый мужик, по-видимому, немой, потому что в ответ на мой вопрос, он только покрутил пальцем у виска и широким жестом указал в направлении здоровенного амбара, высившегося через дорогу.

Тут мы слегка приуныли – в надвигающихся сумерках строение выглядело довольно зловеще. Высокие стены, построенные как минимум с полсотни, если не больше, лет назад, крошечные узкие окошки на такой высоте, что и Кеша вряд ли дотянулся бы. Скаты кровли уходили к небу, словно это был не амбар, а готический замок. Вход виден не был, а подступы к амбару перегораживал забор из жердей. Борька воровски огляделся и шепотом спросил:

– Рискнем здоровьем?

– А что нам остается? – тоже шепотом ответила Сонька.

До этого частная собственность бляховцев нас не слишком смущала, ведь мы подходили ко дворам открыто, можно сказать, нахально, а тут и дома не видно – он весь скрывался за чудовищным амбаром. Так что налицо незаконное проникновение.

– А хозяин кто? – деловито поинтересовался Кеша.

– Да черт его знает, я тут ни разу не был, – ответил братец. Ага, он вообще, кажется, ни разу не блуждал по деревне, приставая к крестьянам с униженными просьбами продать десяток яиц. А я бывала, но никого не видела, а потом старалась на этот негостеприимный край Бляховки не заходить: тут если и встречались люди, то совсем уж необщительные, словно раскольники из старых кинофильмов.

Мы ещё некоторое время топтались у изгороди, для порядка призывая хозяев, но в ответ даже собаки не лаяли. Прикинули, что попасть к воротам можно только обойдя почти половину деревни – дворы тут со временем срослись огородами и картофельниками, без всяких проходов. И ещё не факт, что, обойдя эту конгломерацию со стороны реки, мы не выясним, что заходить нужно было от леса – тут ведь сам черт ногу сломит.

Сонька первая, согнувшись в три погибели, пролезла под жердями, я шмыгнула за ней, Кеша перемахнул поверх ограды, а упитанный Борька долго кряхтел, но всё же протиснулся, оторвав одну жердину и затем ловко пристроив её на место. Да, сегодня у меня был день лазания по чужим огородам.

Затаившись в подсолнухах, мы огляделись. Всё было тихо, только ветерок раскачивал ветки старой яблони. Цепочкой, словно партизаны, мы приблизились к амбару и прошли вдоль

его стены. За углом была дверь, а на ней висел здоровенный замок. И его явно не открывали лет десять – отверстие, куда вставлялся ключ, заросло ржавчиной. Да и дужка, продетая в железные скобы, выглядела не лучше. Интересно, живы ли хозяева? А если живы, почему забросили такую крепкую и вместительную постройку?

Я оглядела открывшуюся часть двора. Отсюда был виден угол дома – древней избы, вросшей в землю чуть ли не по подоконники. Удивительно, но на окошках белели чистые занавески, за стеклами цвела герань, а у стены стоял велосипед. Значит, хозяева должны быть дома. Мне стало слегка не по себе.

Борька тоже сообразил, что выглядим мы не очень красиво – вылезли из-за амбара с и непонятными намерениями пялимся на чужой велосипед.

– Эй! – крикнул он и помахал рукой, словно прилетевший в дружественную страну с визитом президент. – Есть кто дома?

Если бы во дворе была собака, с ней после такого вопля непременно случилась бы истерика. Но собаки, похоже, не было. Да и занавески на окнах не колыхнулись. Мы уже смелее прошли вперед, прикидывая, куда нам направляться дальше, как вдруг откуда то сверху зловеще прозвучала команда:

– Ложитесь!

Уж не знаю, кто лег первым, но мы с Сонькой плюхнулись на одуванчики и какую-то ещё сорную травку практически одновременно. Я вжала голову в плечи, ожидая, что сейчас откуда-нибудь выскочат преступные личности во главе с А. Ю. Опухликовым и учинят над нами расправу.

– Лежите тихо, – посоветовал нам голос, на этот раз показавшийся знакомым. Я перевернулась на спину и увидела маячившую в квадрантном чердачном окошке папулину физиономию. Выглядел родитель весьма загадочно, словно снайпер, затаившийся в тылу врага.

– Ты чего там делаешь? – прошипел обалдевший Борька. – И зачем нам тут лежать?

– Отползите за крыжовник, сейчас она выйдет, – замахал руками папуля. Чувствуя себя законченной идиоткой, я вслед за Кешей на четвереньках перебралась за кусты. Сонька и братец оказались там раньше нас и теперь непонимающе выглядывали из зарослей.

Не прошло и пары минут, как что-то застучало, забрякало, и внезапно метрах в десяти от нас из земляного холмика, словно мертвец из могилы, выбралась женская фигура, закутанная в темную шаль. Только потом я сообразила, что она вылезла из погреба, обычного дворового погреба.

Ворча и покряхтывая, дородная дама, которую мы видели в профиль, нагнулась, захлопнула дверцу, и принялась опять чем-то громыхать. Но, очевидно, не все у неё получалось, потому что, провозившись некоторое время, женщина с досадой плюнула и подалась за дом.

Когда она скрылась, мы переглянулись.

– Видели? – тихо спросил с чердака папуля.

– Видели, ну и что? – отзывалась я. – Тетка в погреб спускалась. И что? Вполне законное дело.

– Помогите мне, – с этими словами папуля принялся выталкивать в чердачное окошко довольно хлипкую лестницу.

Мы придержали конструкцию, и родитель спустился вниз.

– Законное, говоришь? Пошли, сами послушаете. Только тихо, тут ещё какой-то тип иногда слоняется.

Мы подкрались к погребу. Метровой высоты холмик с наклонной дверью выглядел совершенно невинно. В железных дужках, приколоченных к двери, болтался точно такой же огромный замок, что и висевший на двери амбара, но незапертый. Кеша снял его и взвесил на руке.

– Солидно. А ключ заело, смазать бы не мешало.

– Тихо! Слушайте! – папуля наклонился к входу в погреб.

И мы услышали.

Вначале глухие тяжелые стоны, хрипение, затем жалобное бормотание и даже поскуливание. Потом хрипение стало громче и перешло в рычание. Но голос был несомненно человеческий, мужской.

Не знаю, как у других, но у меня волосы на голове зашевелились. Что за несчастный мученик томится в ужасном погребе? И что нужно сделать с человеком, чтобы он издавал такие звуки. Перед глазами встали картинки с изображениями средневековых пыток: дыбы, цепи, испанский сапог. Хотя вряд ли в Бляховке найдется такая экзотика, как испанский сапог, но вот дыба или там шкуру спустить, это вполне.

Стоны стали громче, послышались неразборчивые слова, потом вопль: «Пустите, гады, пустите!» и снова хрипы и стоны.

– Это не дед, – сообщил нам папуля. – Голос не похож.

– Знаю, – отмахнулась я, – дед сидел в другом подземелье, сейчас уже дома.

– Но тогда над кем тут измываются? – разозлился Борька. – Говорил ведь я вам, что эта чертова дыра – место сомнительное, сплошные садисты и бандюки.

– Про садистов ты не говорил, – начала я, но меня перебила Сонька.

– Это хлысты или какая-то другая изуверская секта, я читала…

– Да чего мы спорим, – рассудительно заявил Кеша. – Нужно туда залезть и освободить несчастного! И давно надо было это сделать.

– Так погреб заперт был, – принялся оправдываться папуля. – Поэтому я и решил засаду устроить.

– А сбегать домой за топором и подмогой ты не догадался? – возмутился братец. – Сбили бы замок, и все дела. Как можно было сидеть на чердаке, когда человек так страдает?!

Зная, что родственники могут спорить до бесконечности по любому поводу, я присела на корточки, ухватила дверцу за скобу и с некоторой натугой распахнула её. Изнутри пахнуло какой-то гнилостной кислятиной, а страдальческие хрипы и стоны стали слышны куда громче.

– Фонарик у тебя? – протянула я руку к Кеше, но он вытащил свой брелок, отстранил меня и полез первым. А я уже следом.

Слабый огонек плясал под ногами, спускаться приходилось по земляным ступеням, кое-как укрепленным досками. Хорошо хоть не по прогнившим жердочкам.

– Осторожно, – бормотал Кеша, – тут всё шатается. И ногу некуда поставить. Если ты опять свалишься на меня…

– Типун тебе на язык!

Наконец я почувствовала, что стою на ровном полу. Кеша повел фонариком и осветил вначале полки с какими-то банками и горшками, потом старую железную кровать, настоящий раритет, с продавленной почти до пола сеткой. На кровати, на рваном матрасе совершенно безжизненно лежала тощая фигура в майке и трусах. А кто же тут стонал и кричал?

– Почему он молчит? – ткнулась мне в спину Сонька. Она таки полезла вслед за нами. Впрочем, братец и папуля тоже. Только места на полу им уже не хватило, и они остались балансировать на лестнице.

Словно в ответ на Сонькин вопрос лежащий внезапно дрыгнул ногой, застонал и икнул. Потом попытался сесть, но опять опрокинулся на спину и заорал:

– Пусти, сволочь! Убью! – после чего громко захрапел.

Кеша отпрянул и возмущенно констатировал:

– Да он пьяный в сосиску! Перегарищем разит…

– О, новые спасатели пожаловали! – раздалось прямо над нашими головами. – И что это вам от Гришки понадобилось?

От неожиданности я, обернувшись, едва не врезалась носом в Сонькино ухо. А Борька принялся оправдываться:

– Да мы услышали, кричит кто-то, подумали – человеку плохо…

– А ну, вылазьте! – скомандовал голос. – Да банки с огурцами мне не переколотите!

Мы послушно выбрались на свет божий. После темного подвала даже сумерки казались ясным днем. Та самая тетка, которую мы уже видели, стояла, уперев руки в боки, и с осуждением рассматривала наши смущенные физиономии.

– Дачники, – с непонятным удовлетворением констатировала она. – Дачники, а туда же! Алкоголики!

– Мы не алкоголики, – забухтел братец. – Нельзя же вот так сразу черт знает в чем обвинять! Вы вот зачем живого человека в погребе взаперти держите? Может, ему с сердцем плохо?

– С сердцем ему хорошо, – отрезала хозяйка. – Иначе не пил бы у свата неделю. На собственно горбу приперла и – в изолятор! А сватья со своим Михой пусть сама разбирается.

– В изолятор? – заинтересованно переспросил Кеша. – И надолго?

– Так дня на три, – махнула рукой тетка. – Протверезится окончательно, и выпущу. А иначе сбежит не к свату, так к куму. И начнется вторая часть Марлезонского балета, – неожиданно добавила она. Кеша поперхнулся.

– А на замок запирать зачем? – не удержался от вопроса Борька.

– На замок, чтобы дружки его не выпустили раньше сроку. Сено некошено, дров опять же привезти надо, а они хвать бутылку – и в овраг, как партизаны, чтоб их… – тетка потрясла смуглым кулаком и запахнулась в шаль. – Ну ладно, дачники, проведали Гришку и идите себе.

– Вы уж простите, что так вышло, – принялась извиняться Сонька. Но хозяйка только кивнула и неспешно направилась по своим делам.

Домой мы вернулись к тому времени, когда собрались отчаливать накормленные ужином и напоенные чаем археологи. Череп, кости и монетку они упаковали и забрали с собой, пообещав назавтра приехать, чтобы в спокойной обстановке покопаться в нашем подвале. Насчет спокойной обстановки, это они, конечно, загнули. Но если есть желание, пусть копаются, может это заставит папулю поменять, наконец, злосчастные трубы. Вот только я не поняла, почему Макрайстер таким волком смотрел на отъезжающих. Пара косых взглядов, брошенных англичанином на Диму и Дениса, выражали откровенную неприязнь и раздражение. Но в тот момент мне было не до рассуждений – встала проблема устройства на ночь Соньки с Кешей и приблудного иностранца, а оборудованных спальных мест для размещения гостей было пока явно недостаточно.

Так что пока мамуля и Аллочка, передумавшая в связи с благополучным возвращением деда эвакуировать детей в город, принялись накрывать стол к ещё одному ужину, я решила заняться обустройством ночлега. Правда, Сонька заявила, что они с Кешей могут устроиться и в трейлере, но там после поисков пистолета царил такой бардак, что разгребать его пришлось бы битый час.

Да и о каком трейлере может идти речь, когда у нас есть такой большой Дом! За минувшее время я успела привыкнуть к его несуразной планировке и к тому, что в каждой комнате имеется минимум две двери, так что все помещения на каждом из этажей можно обойти по кругу.

Так как внизу две отремонтированные спальни были уже заняты родителями и дедом, я забралась на второй этаж. Соньку с Кешей вполне можно устроить в той комнате, где я по утрам обычно пью кофе на подоконнике, созерцая рассвет над Рузняйкой. Ничего, это не самая большая жертва, которую можно принести ради лучшей подруги. А то, что стены не оклеены и пол не покрашен – ерунда, куда сложнее дела обстояли с кроватью. Огромное двуспальное ложе арабского производства, поставленное на попа во дворе под навесом, втащить наверх по загнутой буквой «г» лестнице было в принципе невозможно.

Этого монстра презентовал нам один папулин приятель, сообщив, что сам он когда-то получил его в наследство от тещи. Борька надеялся, что ложе можно будет разобрать и втащить в нужное помещение частями, чтобы потом собрать на месте. Зная способности своих родственников, я не сомневалась, что эта операция стала бы смертным часом для древней кровати. Поэтому, побегав с портновским сантиметром со второго этажа во двор и обратно, я нашла решение проблемы. Оставалось только заставить других согласиться на рискованную операцию.

Я меланхолично прихватила с подоконника оставленную утром чашку с недопитым кофе и пепельницу и отправилась в столовую.

Когда братец услышал, что ему светит поднимать на веревках арабскую кровать в окно второго этажа, причем не завтра и не через неделю, а именно сейчас, он едва не подавился жареной сосиской.

– Какого черта? – завопил он, откашлявшись. – Нельзя было это сделать днем, а не темной ночью?!

Пришлось ему напомнить, что днем нам было не до этого.

– Может, не надо? – робко попытался поддержать Бориса Кеша.

– Надо! – отрезала я. – Сейчас, по крайней мере, все в сборе, так что управимся быстро. Да и ничего сложного – никуда лезть не надо, веревка уже висит на тополе, просто привязать, подтянуть и втащить. Вот и вся работа! Всё равно это давно нужно было сделать, только кое у кого сообразительности не хватило, – я с торжеством взглянула на папулю, который в глубокой задумчивости доедал омлет с сыром. Папуля машинально кивнул, явно не понимая, на что подписался.

Глава шестая

Не знаю, что бы подумали бляховские аборигены, увидев, чем мы занимались в потемках. Больше всего это напоминало подготовку к смертной казни через повешение.

Как ни странно, но кровать до уровня окна мы все же подтянули. Толстую тополиную ветку, нависавшую над крышей дома, папуля весной использовал для поднятия необходимых для ремонта этой самой крыши материалов. Для этой цели он обмотал основание ветки куском рубероида и перекинул через него веревку. Как при этом не свалился – непонятно.

Мы отыскали трос покрепче, привязали его к болтавшейся веревке (предварительно отвязав от неё старое ведро с какой-то застывшей субстанцией) и через минуту имели вполне удобоваримый подъемник.

Несчастная кровать, скрипя деревянным каркасом, взмыла на уровень второго этажа и была поймана за ножку высовывающимся из окна, с которого предусмотрительно были сняты рамы, Кешей. После чего возникла пауза.

– Тащи её, – руководила снизу Сонька, – затаскивай внутрь!

– Чуть опустите, – потребовал Кеша. – Не так низко, выше теперь! И идите кто-нибудь сюда, я один не справлюсь – слишком тяжелая!

– Я иду, – заорал Борька и отпустил трос.

Нет, я, конечно, понимаю, что в семье у нас принято вначале делать, и только потом думать. Но если кто об этом не знает, то впечатление остается сильное.

Собственно, кровать поднимали папуля и Борис, а дед только для проформы придерживал конец троса. Так что когда папулины ноги оторвались от земли, а кровать с грохотом саданула по подоконнику, дед неожиданно для себя оказался в роли противовеса, который единственный удерживал и норовящее рухнуть вниз арабское ложе, и родного сына, повисшего на тросе в метре от земли.

Через пару секунд я, Сонька и Аллочка пришли ему на помощь, вцепившись кто в папулю, кто в трос. Ещё через минуту нам удалось восстановить статус кво, и Кеша с подоспевшим Борькой втащили таки упирающуюся всеми ножками кровать в окно. Макрайстер пришел в себя гораздо позже. Он и с самого начала не слишком понимал, что мы затеяли, так что, похоже, принял происходящее за некий национальный вид спорта. Кто-то лазает по столбу, кто-то бегает с камнями, а мы на сон грядущий кровати поднимаем.

Чертыхаясь и проклиная импульсивного братца, я кошкой взлетела на второй этаж, ожидая увидеть изувеченную мебель. Но, к моему удивлению древнее ложе оказалось целым и практически невредимым, если не считать слегка треснувшую спинку. Гораздо больше пострадало окно, вернее, подоконник. Толстую доску от удара перекосило и практически вырвало из рамы и стены.

Почесав в затылке, Кеша ухватил злополучный подоконник и попытался вернуть на место, но мешал торчащий сбоку здоровенный изогнутый гвоздь. Кеша нажал посильнее, и доска грохнулась ему на ногу.

На Кешины вопли прибежала Сонька, вслед за ней мамуля. Мы принялись утешать травмированного и проверять целостность его конечности. А Борька тем временем как-то странно притих. Обернувшись, я увидела, что он стоит у окна с непонятным выражением на лице. Примерно такие же чувства были написаны на нем, когда ему впервые нужно было сменить памперс у новорожденного Васьки.

– Эй! – окликнула я братца. – Очнись! Ты что, очередной череп нашел?

В ответ Борька как-то странно булькнул и энергично закивал. Мне стало слегка нехорошо. Что если наш Дом нашпигован непогребенными костями, словно колбаса салом? Ужас какой…

Расстояние до окна я преодолела с трудом, на внезапно задрожавших ногах. Но, глянув на углубление, открывшееся под вывернутым подоконником, никаких костей не увидела.

Собственно, углубление было небольшим – всего один вынутый или не уложенный в стену кирпич. И в этой ямке лежал смятый пожелтевший кусок старой газеты, а под ним – кучка желтых монет. Точно таких же, как та, что археологи нашли внутри вырытого в подвале черепа. И ещё что-то, тоже желтое, но длинное и блестящее. Через секунду я держала в руках сверкающий золотой ножик с прямым граненым лезвием.

– Ну ни фига себе, – очнувшись, присвистнул Борька. – Мы, кажется, нашли клад!

При слове «клад» мамуля, Аллочка и Кеша немедленно замолчали и повернулись в нашу сторону. Мамуля всплеснула руками:

– Ой, кинжал!

– Это не кинжал, – возразила я. – Скорее, десертный нож. – Я прикоснулась к лезвию пальцем. Оно было совсем не острым, без всяких следов заточки. На округлой рукоятке никаких украшений, кроме тонкой и сложной монограммы. «М» и, кажется «И» и «О».

Раздался топот, и в комнату ввалились папуля с дедом, таща полосатый матрас для кровати. Увидев в моих руках золотой нож, они так и застыли. А Борька тут же принялся выгребать из выемки монеты. Одну за другой.

– Семнадцать!

Я на всякий случай заглянула в ямку и поковыряла пальцем раствор между кирпичами. Итак, семнадцать золотых монет и нож. Это не считая черепа и ещё одной монеты, увезенной археологами. Для одного дня – солидный улов.

– И что нам со всем этим делать? – глупо спросил Борька. Хотя почему глупо – я тоже понятия не имела, что делать с найденным золотом. Кажется, его нужно сдавать государству и получать вознаграждение? Теоретически всё понятно, а вот практически…

– Интересно, если я сейчас позвоню в милицию и сообщу, что мы нашли клад, они приедут? – словно отвечая на мой вопрос, пробормотал папуля.

– Не сомневаюсь! Примчатся немедленно, причем, сразу две милиции, – хмыкнула мамуля. – И станут доказывать, что именно на их территории находится Бляховка. Найденное золото это не похищение дедули и не кости в подвале, за это им наверняка премии дают, – добавила она ехидно.

– Вот только милиции нам сегодня не хватало, – простонала Аллочка, хватаясь за виски. – Утром не дали выспаться, днем черт знает что творилось, так теперь и спать вовремя не ляжешь… Вы так и будете с этим матрасом в дверях маячить? – раздраженно поинтересовалась она у супруга и свекра. – Положите его, в конце концов! Да не на пол, а на кровать!

Матрас плюхнули на место, и в комнату наконец-то смог просочиться Макрайстер, который до этого изнывал от любопытства на площадке перед дверью. Увидев ножик, он быстренько подскочил ко мне и ловко выхватил его из моих рук, после чего с благоговейным восторгом уставился на вензель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.